

К 100-ЛЕТИЮ ВЕЛИКОЙ ОКТЯБРЬСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Алексей Яшин
(г. Тула)

**КАТЕХИЗИС ИДЕАЛИСТА:
РОМАН-РАЗМЫШЛЕНИЕ***

ПОЛИТЭКОНОМИЯ И ГЕОПОЛИТИКА; ДВУХПОЛЯРНЫЙ МИР

Если бы руководимая Америкой Антанта дважды за полвека не сталкивала нас лбами с Германией, с которой у нас не было, нет и не будет никогда предметов раздора, то умом немцев можно нелицеприятно восхищаться. Даже два главных и определяющих учения двадцатого века создали два же немецких Карла. Политэкономии сформировал автор «Капитала», а геополитику — возможный редактор «Майн кампф», генерал Карл Хаусхофер.

Самое существенное, что роль этих двух «политик» из чисто умозрительных теорий неуклонно возрастала по мере разделения мира на противостоящие стороны: наш социалистический лагерь и отживающий свое, но еще очень крепкий капитализм во главе с Америкой. И опять же наше невольное сходство с немцами: все другие народы и страны спокойно живут без политэкономии, а мы с нашими недавними злейшими врагами заснуть без нее не можем. Да еще каждый в своем отечестве-фатерлянде без конца свару устраивает по тонкостям политэкономических законов.

Тут азарт задали немцы еще в прошлом веке: Энгельс с Дюрингом так сцепились, что начали бабахать друг друга толстенными томами: я вот тебя «Анти-Дюрингом», камрад Евгений! А я тебя, камрад Фридрих, приложением критики твоего социализма-коммунизма к своему труду**!

Сейчас немцам, восточным и западным, не до политэкономии... точнее, западным. За восточных мы подумаем. Но у нас самих всего год назад с небольшим как отгремела ноябрьская дискуссия пятьдесят первого года по политэкономии социализма. Как всегда, пришлось самому все в свои руки брать. Порой приходится скры-

* Продолжение, начало в № 1, 2017 «ПЗ». Полный текст романа см. на сайте «ПЗ» www.pz.tula.ru; раздел «Библиотека журнала «Приокские зори». Стихотворения юного Джугашвили в романе в переводе Владимира Резцова.

** Евгений Дюринг. Курс национальной и социальной экономики с включением наставления к изучению и критике теории народного хозяйства и социализма: Пер. с нем.— СПб.: Изд-во Шредера, 1893.— 556 с.— Первое издание на русском языке.— Прим. авт.

вать раздражение: для чего у нас Академия наук и куча академических, отраслевых экономических институтов? И учебных институтов тоже. Ведь не только свои лекции студентам в той же «плехановке» профессора талдычат? За всех должен товарищ Сталин думать. За одних уже фюрер думал... Чем закончилось — хорошо известно.

А всего-то и требовалось понятным языком растолковать: законы политэкономии одинаковы для капитализма и социализма. И советская власть не в силах отменить их и создать новые взамен. Но вот, следуя этим законам, «заглушать» одни, не работающие на социализм, и усиливать действие других, отвечающих социальной идее, — это и есть наша задача. Кстати, успешно нами решаемая. В этом-то, в отличие от естественных наук, и состоит особенность общественно-экономических наук и теорий: их законы не вечны, действуют в течение отведенного им исторического периода. Затем они уступают место новым законам, но при этом никак не отменяются директивно, а просто теряют свою силу в новых условиях. Такова и политэкономия.

То есть, и основные законы политэкономии капитализма, как то: закон стоимости, товарное производство, даже — в определенном смысле — прибавочная стоимость, действуют и при социализме, но в совершенно иной ипостаси и «работают» на социализм. И не могут, как утверждают неопытные товарищи, вновь повернуть нас к капитализму, поскольку здесь ему поставлена непреодолимая преграда: полное упразднение частной собственности на средства производства и общенародный характер этого производства. Даже колхоз, являясь кооперативной собственностью, защищен от перерождения в фольварк или кулацкое хозяйство, поскольку в колхозе частной собственности нет и не будет.

И второй существенный момент: формальный подход многих товарищей к изучению политэкономии — слепое цитирование Маркса. Но при этом напрочь забывают, что Маркс создал политэкономии капитализма, чтобы дать практикам социализма знание тех приемов, которыми капиталисты эксплуатируют пролетариат города и деревни, целые подчиненные им колонии и слаборазвитые страны. Создать же теорию, политэкономии социализма он не успел, дав только ее наметки в «Критике Готской программы».

Третий же момент в той недавней дискуссии особо никто не выпячивал, хотя соответствующий вопрос так и витал в воздухе залов заседаний: практика построения у нас в стране социализма намного опередила теорию, то есть политэкономии. Именно поэтому потребовалась дискуссия с широким ее освещением в печати, с общественным резонансом. Поэтому остро встал вопрос о проекте учебника политэкономии социализма. Правильнее и честнее — нужно ее создать — политэкономии нового общества. Я так и повторил дважды в выступлении на дискуссии: *«Без теории нам нельзя»*.

Вроде как все и всем ясно, но как преодолеть ортодоксальный марксизм, который в части политэкономии совершенно не соответствует нашей широкой практике социального строительства? Но преодолеть это нужно и как можно скорее. Ибо уже через пять-десять лет это выйдет нам боком. Из-за отсутствия новой экономической теории мы можем потерять, снизить ныне наш высокий, по сравнению с капитализмом, темп развития.

...И опять я не могу, не имею права сказать открыто: да, товарищи, марксизм-ленинизм был, есть и навсегда останется базисом нашей теории и практики построения социализма и далее коммунизма. Этот базис суть диалектика Гегеля, политэкономия Маркса, исторический материализм Фейербаха и научно-практическое наследие Ленина. На все эти замечательные учения оказались несколько позади нашей практики, устарели и уже тормозят наше движение в условиях уже де-факто развитого социализма. К сожалению и столь близкий к нам по времени и духу Ильич тоже «устарел» (между нами шепотом говоря: его «Материализм и эмпириокритицизм» сейчас смотрится достаточно... ну-у, не слабой теорией, но все же...). Поэтому при-

шла пора под нашу практику создать новую теорию, не отрицающую прежние, но — новую.

Разве могу я сейчас это сказать? Тем более я не могу апеллировать к Георгу Лукачу и Антонио Грамши, еще в двадцатых-тридцатых годах заложивших, пока умозрительно, предтечу этой новой теории коммунизма, современного марксизма. Лукача наши академики-ортодоксы «от Маркса в девственной чистоте его учения» давно записали в отъявленные ревизионисты. А Грамши Муссолини, социалист и почти друг Ильича во время «революционных каникул» на Капри, надолго упрятал в тюрьму, присвоив его идеи при создании Итальянской социальной республики, сокращенно *САЛО*.

...Куда ни кинь, всюду клин.

Все что можно пока сказать — было много сказано в «Экономических проблемах социализма в СССР», написанных по итогам той самой ноябрьской дискуссии. Более того, свои замечания по проекту учебника политэкономии социализма в «Экономических проблемах» мною были совершенно разжеваны в приложениях: ответах недопонявшим суть политэкономии социализма Ноткину, Саниной и Венжеру. И во второй раз разжевано в подробной критике воззрений нахала Ярошенки, заявившего: дайте мне двух помощников, а я в год-полтора сам напишу искомый учебник. Из его выступлений и реплик на дискуссии понятно, что бы он наворотил в этом единоличном учебнике... Заблудился товарищ и нахал в квадрате.

Обидно, если не сумею проконтролировать в ближайший год-два издание базового учебника. Начнется драчка за власть, не до политэкономии «наследникам» будет. Потом и вовсе забудут, а без выверенной теории в конце-концов приведут страну к экономической неразберихе и всяким сомнительным схоластиям с надергиванием цитат из «Капитала». Но и при таком раскладе страна еще продержится лет тридцать; слишком мощную базу мы успели создать.

А геополитика? Она неразрывна с политэкономией и, вообще говоря, является ее высшим развитием. Но у нас не то что партийно-хозяйственные руководители, а и академики-обществоведы такого слова-то не знают. На что умен и переимчив ко всему новому Лаврентий, но и он, скорее всего, услышав про геополитику, начнет мысленно перебирать пункты 58-й статьи... Как говорится, у каждого своя специальность. О чем же тогда разговаривать с прохиндеем Хрущевым, Маланьей-Маленковым и даже трезвым Булганиным? Это все одно, что против ветра мочиться.

Опять же у нас неувязка с теорией. С созданием мирового социалистического лагеря и разделением этого мира на две реально и потенциально противостоящие стороны геополитикой манкировать неразумно и даже опасно. Почитывали мы генерала Хаусхофера, почитывали. Народу пока его теории знать рановато, но переводчики цэковские у нас хлеб не задаром едят. И товарищ Сталин не зазря повышенную зарплату генералиссимуса получает, хотя всю ее и передает в фонд Сталинских премий. И, как по ведомству Лубянки и *ГРУ** ставшие словоохотливыми плененные генералы вермахта рассказывали, Гитлер с Хаусхофером побили горшки, а генерал даже некоторое время побыл почетным заключенным в концлагере, — как раз по причине геополитических разногласий. Дураком-то в итоге оказался фюрер, что не послушал доводов генерала, Бормана, Розенберга и других, что поумнее, ссылавшихся на авторитет Бисмарка: «Никогда не воюйте с Россией!»

Действительно, в обеих мировых войнах Германией воспользовались. Впрочем, и Николашкиной Россией тоже. Мы же не поддавались до последнего, до половины четвертого ночи двадцать второго июня сорок первого года. Что же поделаешь, если умным немцам судьба даровала клинического психопата? А ведь умным казался, за

* Главное разведывательное управление Генерального штаба. — Прим. авт.

десять лет из бардака Веймарской республики солдафона Гинденбурга сделал военно-индустриальное пугало для всей Европы. В этом-то и сущность такой психопатии, как объяснял профессор Коновалов: умный и волевой во всем, дурак в одном, но в самом главном.

Итак, уже пришло время сделать выводы из событий первой половины этого века и принять генеральную линию нашего геополитического противостояния с империалистическим миром. Решить: кто главный наш враг, где направления наших и ихних главных ударов, в ком искать вольных или невольных союзников? Наконец, по Ленину, как нам наиболее выигрышно использовать внутренние противоречия в стане капитализма?

...И все это замыкается на геополитике, уже сейчас действующей науке о политической, идеологической и социально-экономической расстановке и движении противоборствующих сил. Как это перевели на русский ключевую фразу Хаусхофера? — Да-да, теория и практика движущихся границ. В наше время — границ социалистического и капиталистического лагерей.

Еще Маркс обозначил, что внутри капиталистической системы главная линия взаимных противоречий в Европе проходит по Ла-Маншу: Британия и Европа материковая. Разумеется, островной империи не справиться с целым материком, поэтому она уже не первое столетие успешно применяет свой главный принцип: разделяй и властвуй. Именно «англичанка» почти до конца девятнадцатого века держала в раздробленности Германию. А после создания «железным канцлером» Германской империи не менее успешно начала сталкивать ее с Францией из-за извечного яблока раздора: Эльзаса с Лотарингией.

Но Германия буквально на глазах набирала мощь экономическую и силу военную. Казалось — а так и было на самом деле, что вся энергия немецкого народа, доселе статическая в десятках крохотных маркграфств и княжеств, слившись в единой империи, дала такой мощный всплеск, что грозил подчинить себе всю Европу и перемануть через неширокий пролив на Британские острова, поглотить некогда отколовшихся от фатерлянда англосаксов.

Одной Франции, порастратившей цвет нации в наполеоновских войнах, уже не хватало для противостояния Германской империи Вильгельма Второго. Сама же Британия, даже в Индии не пачкавшая свои холеные руки, а местное население предохранявшая от бунтов наемными сипаями, явно не собиралась посылать свои дивизии и армии на Рейн, Майн и в Померанию. Для грядущих войн потребовалась гарантия второго, восточного для Германии фронта. То есть, потребовалась ведомая на заклатание Россия.

Многоопытная в таких делах «англичанка» разыграла свою козырную карту быстро и ловко, благо последний из царей Романовых явно природой был задуман для иных дел, не относящихся к престолу. Спровоцированная, совершенно не нужная России и Японии война, затем французские кредиты на гашение революции 1905-го года, восстановление потопленного япошками тихоокеанского и балтийского флотов, перевооружение двухсот сухопутных полков. И все, капкан захлопнулся, Антанта приобрела второй фронт для Германии и встала на гоп-стоп. Прием воровской, сам знаю по революционной молодости, когда Камо экспроприировал тифлисские банки на нужды партии и подпольной работы. Дело прошлое, хотя и было позарез необходимым. Царский режим, особенно после Кровавого воскресенья, был преступным. А во время совершения преступления закон не действует. Это одно из оснований римского права.

Непосредственно перед гоп-стопом на Германию Англия сделала и завершающий шаг: подключила *САСШ* в роли кредитора Антанты. Дальше все как по нотам. Америка финансирует, готова кабалу Старому Свету, Франция истекает кровью и

травится под Верденом газами от «Фарбениндустри», Россия ни шатко, ни валко держит окопные позиции Восточного фронта. Англия, послав во Францию несколько дивизий, распределяет между союзниками американские деньги. Все при делах. Такая вот империалистическая геополитика.

Как в театре от сезона к сезону повторяется проходная пьеса, те же «Чайка» и «Три сестры» в *МХАТ*е, так и во вторую войну тот же расклад с тем отличием, что мы до последнего сопротивлялись вовлечению в бойню, а Америка уже не просто банковала, но входила в роль мирового империалистического гегемона.

...И вот середина этого невеселого столетия, иная картина мира, тем более геополитическая. Теория генерала Хаусхофера на первый взгляд устарела, как у нас устарела Марксова политэкономия. Вроде как мир поделился на социалистический и капиталистический, соответственно чему и геополитика упростилась: мы разрастаемся численно и территориально, крепнем экономически... словом, наступаем на старый мир, который, как шуткуют в гниловато-интеллигентских кругах, оглядываясь по сторонам, успешно загнивает. Такая установка, исключая, конечно, «успешность загнивания», дана нашему агитпропу.

А как же противостояние «моря» и «суши» у классиков геополитики? В архив списать? Нет, разделение мира на два социально-экономических лагеря не снимает противостояния атлантистов и традиционно сухопутных евразийцев. Хотя это и похоже на какую-то мистику: геополитическое противостояние выше социально-экономических противоречий. Так получается, что в одном, континентальном лагере по признакам геополитической принадлежности могут оказаться социалистические и капиталистические страны, да? Нет, это не мистика, не чушь собачья.

Марксу такой расклад и в страшном сне не привиделся, а Ильич рекомендовал использовать в нашу пользу межимпериалистические противоречия, но и у него не возникало мысли о таком диковинном симбиозе.

Получается: с одной стороны атлантисты — Америка и Англия, жирующие на торговле, финансовых спекуляциях, вывозе капитала и производств в страны второго и третьего мира. И еще на Ближнем Востоке их форпост — Израиль — на содержании *США* и вечной дани с Германии. А на континенте соцлагерь от Праги и Варшавы до Пекина и Пхеньяна, а на Западе — униженная Второй мировой войной, немецкой оккупацией Франция и сведенная той же войной к ничтожеству Германия. И прочая европейская мелочь. Все они по плану Маршалла в должниках у дяди Сэма. Но пройдет время, расплатятся. И снова «суша» и «море» столкнутся между собой, ибо атлантисты в своих финансовых спекуляциях всегда будут держать континентальную Европу на вторых, хотя и почетных, ролях, что всегда будет унижать Германию и Францию, помнящих о своем давнем и недавнем прошлом. Франция — о наполеоновских войнах, доведших ее до Москвы; Германия — о покоренной Гитлером Европе и бомбардировках ракетами Британии, разрушенном до основания Ковентри.

Вот здесь-то нам и не следует зевать, искать в них невольных союзников. И похоже, без всяких сантиментов, у нас есть реальная возможность этих невольных союзников обрести. С Германией у нас на руках главный козырь: треть ее, главное — Пруссия, военно-агрессивное немецкое ядро, у нас. А Западную Германию при всех раскладах мы можем сколь угодно долго этим козырем держать в невольных союзниках: политика кнута и пряника. Главное — не заиграться, не польститься на джокер, как говорят картежники.

С Францией же многие надежды сулит политика де Голля, патриота и националиста своей страны, органически не признающего американского верховенства. Но здесь дело тонкое, не очень-то предсказуемое.

...Все же, пожалуй, генерал Хаусхофер прав. Но с нашей поправкой: укрепляя и расширяя соцлагерь, мы должны максимально использовать геополитические проти-

воречия капиталистического мира. И не забывать о наших форпостах в европейских странах, о компартиях. А они сейчас, особенно во Франции и Италии, как никогда сильны. Дай-то, бог!

Разделение современного мира на два противостоящих лагеря, как по линии социализм — капитализм, так и исторической геополитике атлантисты — континент, диалектически неизбежно. Так оно и вырисовывалось после окончания Второй мировой. Опять-таки гегелевское единство и борьба противоположностей. Действительно, все мы на планете едины, как едины по месту проживания в одной избе или квартире зять и теща. И никакой половине мира не дано, да и не будет дано плюнуть на другую и улететь к чертовой матери на Марс или Венеру. Так что мечта калужского идеалиста, не хуже меня в этом качестве, о «животном космосе», увы, так мечтой и останется. По крайней мере на ближайшие десять-двадцать тысяч лет. И всем нам, белым и черным, идеалистам и скопидомам-прагматикам, коммунистам и империалистам, жить вместе; причем чем дальше, тем это «вместе» становится все теснее и теснее.

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ — НАШ ТРИУМФ; ЯПОНИЯ, ФИНЛЯНДИЯ, ИТАЛИЯ — СТРАТЕГИЧЕСКОЕ МЫШЛЕНИЕ И ПРЕВЕНТИВНЫЕ УДАРЫ

Любой триумф предполагает долгий, а в случае войн — кровавый, путь к нему. Потому и само понятие триумфа, триумфатора возникло в Древнем Риме, государстве чисто военном.

В своей тысячелетней истории Русь, Россия не была обделена военными триумфами: разгром и полное уничтожение Хазарии Волжской Святославом, Куликовская битва и разгром тевтонов Александром Невским, Полтавская битва и завоевание Крыма Потемкиным, Итальянский поход Суворова и Отечественная война 1812-го года с последующим маршем на Париж, освобождение Балкан от турок в 1877—78 гг. и завоевание Средней Азии. Даже Брусиловский прорыв на фоне в общем-то неудачной для Российской империи Первой мировой войны. А для Советской уже России, СССР — это победа в Гражданской войне, разгром японских милитаристов на Дальнем Востоке, освобождение Западной Украины и Белоруссии, Бессарабии.

Победа в Великой Отечественной войне — величайший триумф во всей этой тысячелетней истории страны, хотя лучше бы его не было, рассуждая по-человечески. Немыслимые жертвы, величайшее напряжение всех сил. В определенном смысле война подорвала суммарный человеческий актив советского народа, особенно русского. Ведь на войне всегда гибнет цвет нации. В исторической параллели это как с Францией после двух десятилетий наполеоновских войн; сами французы признают: они, как нация, стали совершенно другими. Наш народ другим не стал, слишком большой запас прочности у него. Но все же для восстановления этого суммарного человеческого фонда советскому, русскому народу понадобится не менее трех десятков лет, то есть два-три поколения.

Любой самодостаточно мыслящий человек, хотя таких по «биологической разрядке» весьма мало, понимает: законы исторического движения неподвластны человеку. «Ни бог, ни царь и ни герой» не в силах эти законы отменить, исправить, тем более — переписать по своему желанию. Индивидуальный или коллективный разум могут только, предугадав удачно два-три ближних хода истории, в какой-то степени использовать свои преимущества. Или недостатки своих локальных, реже — геополитических противников.

Повторим в этом смысле уже явное: если предназначенная историей цель Первой мировой войны — крушение последних и основных монархий континентальной Ев-

ропы, то есть империй Романовых, Габсбургов и Гогенцоллернов, то Вторая мировая, уже предуказанная Первой, должна была ответить на очередной эксперимент истории: какой из «предложенных» ею вариантов социального, социалистического государства является наиболее жизненным: советский интернационализм, германский национал-социализм, то есть, нацизм, или итальянский фашизм — итальянская социальная республика Муссолини, присвоившего себе идеи Антонио Грамши. Кровавый эксперимент с полусотней миллионов жертв показал жизненность социализма в советской, интернациональной форме.

...История не профессор-исследователь, свои опыты ставит не на лабораторных собаках, как у Павлова, но на людях, на целых государствах, на всем населении земного шара. И если над государствами-негодями устраивают Нюрнбергский процесс и Суд в Токио, то история неподсудна.

Понятно, что свои эксперименты история творит не эсхатологически, хотя элементы конспирологии, масонской мистики и всего такого прочего присутствуют. Нет, опыты эти реализуются посредством совершенно реальных событий, дел, стран и лиц. Хотя тем же нашим фронтовым политрукам было сложновато объяснять бойцам, почему во встречном бою обе противоборствующие стороны сражаются неистово, до последнего патрона и солдата под одинаковыми красными знаменами. Только на одних — звезда и серп с молотом, на других — ведический, древнеарийский символ вечности движения жизни — свастика.

Точно так же профессорам геополитики, международной экономики и взаимоотношений — в историческом ракурсе — не менее сложно всегда было объяснять своим студентам: почему дважды за первую половину двадцатого века в смертельной схватке сталкивались именно Германия и Россия? То есть, страны, на протяжении всей их истории не имевшие ровно никаких политических, экономических и любых других противостояний, главное — территориальных претензий.

Даже известный *drang nach Osten*, расширение 80-миллионной Германии, якобы задыхающейся в своих исторических границах, было явно внушено Гитлеру для сраживания с СССР. Следует «держать в уме», что фюрер — личность явно клиническая. Это отмечали такие светила психиатрии, как Бехтерев и Ганнушкин, а особенно его соотечественник Фромм. Причем клиника эта располагалась в его мозгу на границе невроза и шизофрении, что есть предэпилептоидный характер. Возможно причина этого в его ранениях и контузиях на позициях Первой мировой войны. А для таких персонажей присущи почти гениальные ходы — кто создал за десять лет Третий Рейх, завоевал всю Европу и дошел до Москвы и Волги? — Но тут же и гибельные для Германии стратегические просчеты, объединившие против нее весь мир.

Опять же для таких характеров свойственно сочетание почти демонической способности к овладению умам десятков миллионов людей и в то же время глубокой личной внушаемости. И здесь Гитлер стал подопытным кроликом тех кукловодов, что и столкнули Рейх с СССР. Потому-то руководство СССР после пакта Молотова — Риббентропа до самого последнего момента, до двадцать второго июня надеялось, что фюрер образумится и сам не полезет в уготованную ему на Востоке петлю.

Слишком хорошо известны эти кукловоды, что втянули Российскую империю в Первую мировую, опутав ее долгами Франции и использовав самого глупого из всех русских царей, и натравили Рейх на СССР, опять же сыграв на шизоидности личности Гитлера. Это все атлантисты, ныне уже и де-юре объединяющиеся в военный блок, а перед Второй мировой прежде всего мировая интриганка Англия, ведущая на поводке Америке, самую уже устремившуюся в мировые хозяева.

...Это как у нас на Балхаше, где проголодавшегося, полуслеплого по природе своей свирепого тигра наводит на добычу руководящий этой зверюгой маленький камышовый кот, родной брат наших домашних Васек и Мурок.

Что же касается красных знамен с обеих сторон, то следует быть точным в названиях политических режимов наших противников в Великой Отечественной войне. Национал-социалистическая Германия Гитлера не была фашистским государством, как Италия; Рейх — нацистское государство, что, объективно говоря, намного хуже и зверинее, особенно учитывая специфику исторически сложившегося национального немецкого характера: сочетание предельной дисциплины, исполнительности и жесткости, в крайних случаях переходящей в жестокость. Да приплюсуем к этому историческую обиженность и обделенность Германии, до последней трети XIX века пребывавшей в раздробленности и геополитической ничтожности. А после проигрыша в Первой мировой ее и вовсе Антанта обшипала: отняли немногие африканские колонии, Франция прибрала к рукам Эльзас и Лотарингию, даже Польша и Чехословакия что-то из территорий прихватили.

Фашистской же нацистскую Германию стали обыденно называть с начала тридцатых годов с легкой руки не очень политически грамотных газетчиков. Или как в первые послевоенные годы распевали эстрадные куплетисты:

*Я в Италии родился,
А в Германии закалился,
И поехал в русские края...*

Соблюдая истину, политическое определение не было нами помещено в надписи на победной медали: «*За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.*».

И еще один существенный момент, требующий точности определения. Также расхожим стало словосочетание: победа советского народа в Великой Отечественной войне. Это справедливо. Советский народ достоин такого определения, учитывая массовый героизм советских людей, их каждодневный — в течение четырех лет — воинский и трудовой подвиг.

Однако нужно быть объективным: в войне побеждает не народ, а государство, то есть, Советский Союз победил Германию, ее союзников и сателлитов, а исполнителями этой победы и был героический советский, прежде всего русский, народ. Ибо во всех революциях, в восстаниях, даже в стихийных народных выступлениях побеждает не только и не столько поднявшийся народ, но его организация. Тем более, если речь идет о войне мирового масштаба. Как настойчиво повторял в своей «Всеобщей организационной науке» Богданов, за что его не совсем справедливо упрекал в «Материализме и эмпириокритицизме» Владимир Ильич, не человек, даже не выдающаяся личность делает историю, но система, то есть социум, государство. Да, здесь наш выдающийся «эмпириокритицист» безусловно прав.

А побеждает то государство, у которого лучше системная организация и у которого бóльший запас в экономике, в индустрии, преимущественно военной, в социально-политическом устройстве. Такой выигрышный запас оказался у СССР, такого запаса не оказалось у «двунадесяти языков», то есть у Германии и всей совокупной с ней Европы. Это и есть убедительнейшее доказательство того, что в кровавых играх-экспериментах истории именно советская, социалистическая, интернациональная организация государства новой социально-экономической формации является первенствующей над всеми остальными. Величие Ильича и созданной им партии в том и состоит, что, будучи гением, он сверхнайтием нашел ту единственную, советскую форму организации социального государства, лишь в общих чертах продекларированную классиками марксизма, которая только и позволила сделать социализм на Земле реальностью. Позволила нам победить в величайшей войне всех времен и на-

родов. Именно поэтому логически верным является определение: «Победа Советского Союза над Германией, ее союзниками и сателлитами».

Не надо преувеличивать, но и преуменьшать роль в войне союзников Германии, прежде всего Румынии, Венгрии, Италии и Финляндии, которые направили против СССР вовсе не обозные подразделения, а *армии в комплектации военного времени*; некоторые даже по две армии, воевавшие, по-преимуществу, не за страх, а за их, мягко говоря, своеобразную совесть. Достаточно напомнить, что полугодовое сражение за Воронеж Красная Армия вела не с гитлеровцами, а со Второй венгерской армией. Кстати, там же полностью и уничтоженной. И Одессу брали румыны. Они же и итальянские дивизии действовали на Сталинградском фронте. В Прибалтике свирепствовали дивизии СС из местного населения. И только тем фактом, что большинство из союзников и сателлитов Третьего Рейха после войны вошли в социалистический лагерь, либо проводят в отношении СССР достаточно либеральную политику, объясняется определенное «затушевывание» их неблагоприятной роли в войне в качестве приспешников Германии, губителей сотен тысяч советских людей: бойцов и мирных жителей.

...Заслуги Владимира Ильича велики, он предначертал тот единственный путь, которым мы пришли, в числе прочего, к триумфу-победе в Великой Отечественной войне. Но и военно-политическое руководство СССР в предвоенные и военные годы, следуя этим путем, оказалось на высоте. События самой войны слишком хорошо известны — это об упреждающих наших ударах в предвоенные годы. Это была не агрессия «во все стороны», но продуманная военная стратегия с целью уменьшить число врагов в неизбежной большой войне.

И эта война показала абсолютную верность наших расчетов. Особенно — в отношении Японии. Полномасштабные сражения и разгром японцев при Халхин-Голе и Хасане, а также не очень широко известное уничтожение дальней бомбардировочной авиацией Тихоокеанского флота крупнейшей авиабазы на Хоккайдо, причем со всей ее инфраструктурой и полутысячью самолетов, оградили СССР от губительной для него войны на два фронта, отрезвили японских милитаристов. Здесь был и запасной ход, когда, предоставив Гоминьдану биться с японцами на востоке и юге Китая, по рекомендации советского руководства Мао Цзедун со своей Восьмой армией весь период Отечественной войны стоял заградительным заслоном в горах Северного Китая, в Синьцзяне.

Не менее значимой была и Финская кампания, да плюс к ней и наша политическая демонстрация: создание шестнадцатой, Карело-Финской союзной республики и выступления председателя финской компартии товарища Отто Вильгельмовича Куусинена на заседаниях Коминтерна о «стремлении трудового финского народа к единению с советским народом». Поскольку же бывшему генерал-адъютанту Николая Второго, маршалу Маннергейму в самом страшном сне не привиделось стать почетным председателем Верховного Совета расширенной на запад Карело-Финской ССР, то он свел участие Финляндии в войне против СССР до минимума: отказался перерезать стратегически важную для нашей страны Мурманскую железную дорогу, несмотря на мольбы и угрозы Гитлера, не допуская до нее и немецкие дивизии. А в блокаде Ленинграда ограничился сторожевой службой в северной части кольца, запретив использовать артиллерию и авиацию. В сорок же четвертом году сам предложил СССР сепаратный мир, разоружив и интернировав двадцать немецких дивизий, вернув Советскому Союзу Выборг и стратегические острова на выходе в Балтику, даже предоставил столицу Хельсинки под базу Балтийского флота!

Свою лепту в дело Победы внесло участие советских добровольцев в войне в Испании и разгроме советскими же войсками в Абиссинии итальянского корпуса, то

есть половины армии. Памятуя об этом, Муссолини послал на Восточный фронт не армии, но лишь дивизии, а Франко и вовсе «отделался» почти символической «голубой дивизией». Хорошо вела себя Турция, до этого за двести лет четырнадцать раз воевавшая с Россией. Но это уже ленинское наследие: военно-экономическая помощь младотуркам Кемаля Ататюрка. Подлинно совесть не позволила вступить в войну и болгарскому царю Борису.

Большая военно-политическая стратегия не позволила СССР нанести превентивные удары по Румынии и Венгрии, будущим главным союзникам Гитлера на Восточном фронте. Антонеску и сухопутного адмирала* Хорти здесь спасли условия пакта Молотова — Риббентропа, который явился важнейшей предвоенной победой СССР в масштабе мировой политики.

Но еще более судьбоносными для грядущей нашей Победы явились «превентивные удары» по внутреннему врагу: остаткам троцкистов и недееспособной военной верхушке, зажавшейся на сомнительной славе своего участия в Гражданской войне — типа наполеончика Тухачевского, вчистую проигравшего Польскую войну, равно как и все остальные сражения, но зато блестяще расправившегося с кронштадтскими «братишками», сделавшими Октябрьскую революцию, и потравившего газами тамбовских мужиков...

...И еще мы загодя до войны воспользовались опытом царской России в Первую мировую войну: в части составления и исполнения планов эвакуации промышленности и людей на Восток.

Тяжело далась нам Великая Отечественная, неисчислимы потери и жертвы, но советский социализм победил. Поэтому наша Победа — наш триумф.

ПАКТ МОЛОТОВА – РИББЕНТРОПА: ПО ЗУБАМ АНТАНТЕ! СИОНИСТЫ, ХОЛОКОСТ, ИЗРАИЛЬ

Да, вне всякого сомнения, наш договор с Германией тридцать девятого года был крупнейшей победой СССР на политическом фронте. Мы прекрасно, с цифрами на руках, понимали: война с Рейхом — это сражение менее двухсот миллионов советских людей с 330 миллионами немцев с их союзниками; молодой, еще не полностью окрепшей индустрии против ресурсов промышленности всей Европы. И много чего другого — все не в нашу пользу.

Наш агитпроп уперто толкует, что главный итог пакта с Германией — полученная передышка в два года, что позволило подтянуть Красную Армию и военную промышленность к уровню, достаточному для противостояния с Германией, в крайнем случае чтобы выдержать первый, самый мощный удар. А именно такая стратегия и характерна для вермахта и военного мышления самого Гитлера, что и позволило ему в кратчайшие сроки завоевать всю Европу.

Что ж, это сущая полуправда — в том смысле, конечно, что это правда, но не полная. Полная же правда и наша политическая победа в пакте — мы дали по зубам Антанте! Крепко врезали и ее самую подставили под удар немцев. Причем сделали это со спокойной совестью и с полным на то моральным правом. Это вам за вскармливание гитлеризма, за натравливание Германии на СССР, за Мюнхен и сданную Гитлеру Чехословакию, доселе нашего единственного почти союзника в Восточной Европе.

Вот почему уже чертову дюжину лет, с глухим перерывом на годы нашего военного союзничества поневоле, западная пропаганда — а она намного опытнее нашего

* Это как Тимур Аркадьевич Гайдар, сын детского писателя и отец нашего «выдающегося реформатора», ныне возводимого в ранг спасателя России, что получил адмиральский чин, не выходя из редакционного кабинета газетчика в Москве.— Прим. авт.

агитпропа! — не устает твердить об азиатском коварстве Сталина, захотевшего натравить Германию на цивилизованные страны Европы, вместо того чтобы объединиться с Антантой и уничтожить... и так далее. Не сомневаюсь ни на минуту, что если и у нас примутся натаскивать мусор на мою память, то даже впереди тридцать седьмого года, впереди *ГУЛАГ* а будут вменять в мое главное «преступление» договор товарища Молотова с партайгеноссе Риббентропом. По мнению тех и других, западных и «восточных» моих хулителей я вроде как должен был не рыпаться, не искать договоренности с Гитлером, а слушать пустопорожние обещания Антанты и петь тихие песни о мире:

*Мы славу Грузии поем!
Да будет мир в родном краю!
Учитесь, дети, и трудом
Восславьте Родину свою!*

...И допелись бы до войны с Германией на единственном фронте в Европе — на Восточном. Почему-то Европа давно уже привыкла полагать русских полными идиотами, такими легковверными простаками из лесов с медведями и развесистой клюквой. Как у Дюма-отца. Цари, что ли, их так разбаловали, все стремясь в Европу, в Европу! С немьтым рылом из азиатчины в цивилиность политесную. До Петра всякого европейца немцем кликали, пальцами на него показывали и плевали вслед, если такой чудак на Святую Русь попадал. А с Петра все и началось: либо прямое низкопоклонство, либо ту же Европу от внутренних ее драчек разводить. За спасибо, а то и вместо *спасиба* получить Крымскую войну.

А тут мы Антанту по сусалу, по зубам! Узнав о пакте, Черчилль, наверное, сигарой подавился и галлон виски выжрал. Рузвельт же первым делом схватился за арифмометр, подсчитал убытки от упущенной прибыли. Французы? — Понадеялись на совершенно глупо построенную линию Мажино при открытом-то бельгийском фланге, но внутренне похолодели: вот она, расплата за торжество восемнадцатого года и высокомерие маршала Фоша при подписании на железнодорожном полустанке пораженческого для немцев перемирия.

Конечно, политическое значение пакта было огромным и в целом предредило исход Отечественной и всей Второй мировой войны. Но и более продекларированные стороны договора впечатляющи. Во-первых, Гитлер «подарил» нам два года, за которые мы в части подготовки к большой войне перевыполнили полную пятилетку. Особенно в постановке на серийное и массовое производство новых средств вооружения. Года эти выдалась урожайными, поэтому мы довели почти до трехгодичной нормы стратегический запас продовольствия. Тем обиднее, что большинство складов в первые месяцы войны пришлось уничтожить, не вывозя всего — чтобы немцам не достались...

Еще за эти два года Генштаб, Управление тыла и Госплан провели гигантскую работу по разработке планов эвакуации предприятий на Восток. Еще раз царский Генштаб за невольную помощь и опыт поблагодарим. И на многих местах будущей эвакуации подготовили площадки и другую инфраструктуру. Понятно, что сейчас агитпроп про эти планы и подготовку помалкивает, апеллируя к трудовому подвигу народа воюющей страны. Так надо в идеологических целях.

Тем более, что «на людях» мы совсем не афишируем экономическую сторону пакта. В этой части Молотову и его хозяйственным консультантам на переговорах были даны категорические указания: Германии сейчас мирный договор с *СССР* в каком-то смысле важнее, чем нам. Из этого и исходить. Так и получилось. Видимо,

Риббентропу и его завхозфюрерам тоже команда была дана: особо не торговаться, уступать до разумных пределов. А результаты впечатляющими получились.

В обмен на наши нестратегические, в основном сырьевые, материалы и зерно, которого у нас в эти два года было достаточно для внутреннего потребления и экспорта, Рейх поставил в СССР нескрываемо военную технику, которой у нас еще не производили. Это прежде всего цейссовская оптика для артиллерии, броневые сплавы, тяжелое станочное и пресловутое оборудование и много чего другого, включая образцы самых новейших истребителей и штурмовиков и недостроенный тяжелый крейсер. А Северный флот, единственный провоевавший до дня Победы, тогда же усилился лучшими на то время немецкими U-ботами, подводными лодками, что уже через год-другой после их перегона с верфей Киля в Полярный топили немецкие корабли и транспортные суда под командованием героических североморцев.* Может, и такие прославленные командиры, как Фисанович, Лунин и Гаджиев, воевали на подлодках германской фабрикации? Надо как-нибудь дать команду выяснить. Не афишируя, конечно... А самому чтобы знать. Зарубка на память.

Конечно, когда мусор на меня понесут, то к итогам пакта с Германией повесят на меня и отдачу на растерзание Гитлеру невинной Польши, и мифический тайный сговор с фюрером о разделе сфер влияния в Восточной Европе. Предела фантазиям не будет. Польша, как не раз в ее беспокойной истории было, в очередной раз сама себя подставила, отказавшись от союза с нами, даже не пропустив Красную Армию на помощь Чехословакии. Ничего не «помнят польские паны»... Главное, не только ихняя верхушка, но и большая часть народа не могут простить России полуторавековое ей подчинение, а СССР наш марш на Варшаву.

Вот и говори после этого о коллективном чувстве самосохранения: из вековой ненависти к России обрекли себя на многолетнюю оккупацию с полным бесправием, с миллионами уничтоженных нацистами евреев и поляков. Товарищ Сталин, ЦК и Политбюро, Генштаб и Совнарком здесь ни при чем. А то, что мы воспользовались ситуацией пакта и нападения Германии на Польшу, вернули исторически свое — Прибалтику, Западную Украину и Белоруссию, Бессарабию, да еще нанесли превентивный удар по Финляндии — так мы же не пальцем деланные, ума еще не потеряли. Не сделай этого, так весь бы мир над нами потешался. Понятно, что и Гитлер со своими партайгеноссе и генштабистами иного не ожидал.

Но «тайный сговор», конечно, уже придуман западниками; со временем и у нас будут это муссировать. Если, не дай, бог, меньшевики, троцкисты, а то и просто контрреволюционеры и агенты империализма, придут к власти. Чему бывать, того не избежать. И конца испытаниям в вывихах истории для нашей страны не видно. Такова судьба любых провозвестников: и личностей, и народов, и стран.

Народ же уши развесит. Как это в характере человека? — Никогда он не поверит в отношении себя: что он глуп, труслив, злопамятен, бесхарактерен, или просто горький пьяница. Но охотно воспримет любую нелепость со страниц газет, из радио и входящего в быт телевизора, из выступления на партхозактиве агитпропа райкома. Дескать, едва не об руку с Гитлером товарищ (нет, это слово будут опускать) Сталин делил по карте-двадцативерстке бывший «санитарный коридор», отделявший Советский Союз от цивилизованной Европы.

...Не говорю уж о себе, но почему Гитлера, хотя и клинико-шизоида, но вовсе не дурака в военной политике, за ноль с палочкой считают? Хотя и понятно, что вселен-

* В 90-е годы, то есть в годы «государственного антисоветизма», уже демократический агитпроп все развернул на 180°. Мигом были написаны и изданы опусы типа «Фашистский меч ковался в СССР» автором имярек. Конкретно эта книга посвящена подготовке летчиков люфтваффе под Липецком в конце 20-х годов, что было запрещено Веймарской республике. — Прим. авт.

ский обыватель всех по себе равняет. Никто из них не даст себе труда повернуть еще не распрямившимися извилинами мозга: кто же из серьезных людей, а Молотов и Риббентроп явно к таким относятся, будут в архиважном, судьбоносном международном документе что-то записывать, подписывать, даже междометием единым намекать на раздел самой ершистой и раздрайной в Европе страны, в которой если ты не пан, то пропал, а пан там каждый? Это нам было нужно, лидеру мирового социализма-интернационализма? Может, это немцам, еще со времен Германа Херуска, битвы в Тевтобургском лесу и нашествия вандалов на Рим, из кожи вон лезущим и доказывающим, что они цивилизованный европейский народ, было нужно?

Все тайное становится явным; эту формулу римского права еще никто не опроверг. Даже никто и не пытался. Особенно крупные политические фигуранты. Другое дело, если это тайное лишь витает в воздухе, являясь фигурой умолчания. Как эти веселые ребята из Одессы, один брат Катаева, писали? — Да, согласие есть продукт непротivления сторон. А к моменту нападения Гитлера на Польшу и при подписанном пакте такая ситуация и сложилась. Германия на текущий момент не может проглотить сверх меры, а мы своего не упустим... того, что Троцкий с Тухачевским по своей военной и политической бездарности по Рижскому договору прос...

Бессарабию же тоже по праву первообладателя вернули. Да и своего рода превентивный удар по Антонеску. Правда, он этого не понял. Тем хуже для него в итоге получилось — с его горделивостью за якобы римское происхождение. Сколько их, римских-то легионеров, на Траяновом валу было? Один на два-три десятка даков, не больше. А шуму-то, как их царь от турок избавил: мы — потомки римлян, прямо от Ромула и римской волчицы родословную ведем! При османах в тряпочку молчали про цезарское прошлое. Зря, все же, мы недоросля короля Михая орденом Победы пожаловали. Тем более, что тут же его и свергли. Недавно Лаврентий смеялся: экс-король вроде как, в Египте мелочной торговлишкой питается. Неисповедимые пути высшего помысла!

Даже сионистская верхушка в Америке, отчасти в Европе и в Израиле, у которых все в мире виноваты, помалкивает о пакте. Все же помнит, что присоединением Западной Украины и Белоруссии мы спасли от Гитлера более миллиона бывших подпольных евреев. А за мой царский подарок — первопризнание, то есть, фактически создание Израиля они мне памятник в Тель-Авиве задолжали. Не в Иерусалиме; место святое, уже кощунством бы было. Все же я почти православный священник.

Дождешься памятника! Все же антисемитизм приклеят. Не за пакт, не за нынешнюю контравверзу с Израилем, а за тридцать седьмой год, за «дело врачей». Все провокации ежовщины и нынешней маленковщины, естественно, на меня спишут. Ну, об этом бесполезно не то что говорить, но и думать.

Евреи, евреи... Как же с вами зачастую хлопотно, а еще чаще по-человечески вас жаль бывает. И так всю историю, с ветхозаветных времен. Отец Ираклий в семинарскую бытность хорошие уроки веротерпимости и межнациональной приязни преподавал. А сама тифлисская жизнь и вовсе практику такой терпимости дала.

Чудную вам религию ветхозаветные патриархи придумали! Соль земли, пуп земли, богом вашим Адоном назначены во властители всего мира... Каждый из вас по отдельности прекрасно понимает: тяжелая это ноша — постоянно стремиться к верховенству. Да и опасное это дело. И каждый из вас в душе стремится жить среди других людей, не высываясь, спокойно. Но тут беда почище ветхозаветных преданий — всех вас повязала сионистская верхушка, уже реально нащупывающая путь к мировому верховенству — через Америку и клановую финансовую олигархию.

А через эту повязанность все вы заложники этой верхушки, которая играет на гиперпрофирированном национальном самосознании и которой, по сути, глубоко плевать

на всех вас ради своих реальных и мистических высших целей. Потому-то они так спокойно подставляют миллионы и миллионы рядовых единоплеменников под заклание.

Да что тут рассуждать, если и десяти лет не минуло с самой кровавой такой подставки. Одно дело западный и наш агитпропы, в общем-то одинаково говорящие, пишущие и вдалбливающие: дескать, у немцев, столетия живших вместе с евреями и даже давшим им новый язык — идиш, почти диалект немецкого, с приходом к власти Гитлера под воздействием нацистской пропаганды пробудилась дикая ненависть к евреям и, начиная с «хрустальной ночи», штурмовики *СС* и гестапо принялись методично их уничтожать: газовые камеры и газенвагены, человеческое мыло, матрасы, набитые человеческим волосом, крематории и так далее.

Это все по показаниям Нюрнбергского процесса. Не надо забывать, что сам этот процесс, происходивший по инициативе и под верховенством американцев, о чем опять же помалкивают — каждый по своим причинам — ихний и наш агитпроп, по сути являлся судом над верхушкой нацистской Германии не столько за их военные преступления, сколько за преступления против еврейского населения оккупированной Европы. Именно Европы, но не *СССР*. Все доводы о преступлениях гитлеровцев в отношении мирного населения Советского Союза, в том числе против еврейского населения временно оккупированных западных областей, документально обоснованные советской стороной обвинения, представителями союзников лишь формально, с явной неохотой принимались во внимание.

Уже тогда создавалось впечатление, что истинные хозяева *США*, финансовые магнаты, олигархическая верхушка банкиров в седьмом и более поколениях, такой суженной направленностью процесса в Нюрнберге стремятся к двум целям. Первая, рассчитанная на явное прочитывание, суть наказать главных нацистов за действительно злодейские преступления — с подтекстом, тоже мало скрываемым: массовые преступления против еврейского населения Европы. Вторая, но уже сугубо тайная, скрываемая (и я поначалу Лаврентию не совсем поверил, но — разобрался, понял) — финансовая американская, сионистская* верхушка этим процессом вроде как за что-то извиняется, откупается, маскируется перед мировым еврейским сообществом.

А за что извиняется-откупается, то тут загадки нет. Все шито белыми нитками. Конечно, гитлеровский нацизм, согласно своей догме, стремился сделать Германию арийским, мононациональным государством, а заодно избавиться от конкуренции евреев, традиционно в Германии имевших большой вес в экономике, культуре и других сферах жизни. В то же время, все же стремясь выглядеть благоприятно в глазах всего мира, а главное, расплатиться «по счетам» с американскими банкирами, вставшими Рейх для уничтожения Советского Союза, Гитлер обещал им, как только Роммель вытеснит англичан из Египта и Ближнего Востока, то он создаст государство Израиль, куда переселятся все евреи Германии и подконтрольных ей территорий.

Однако «генерал на Солнце» крепко застопорился под Аль-Аламейном. И здесь американские олигархи-сионисты в сорок втором году, разуверившись в возможности Гитлера выполнить свое обещание, тем более, что Рузвельт после Пирл-Харбора принял окончательное решение на полномасштабную войну в составе союзной коалиции, отказались от первоначального плана в отношении будущего Израиля.

Именно с сорок второго года взбешенный Гитлер отдает приказ о массовом

* С конца 80-х гг. мировые, просионистские в своей основе, *СМИ* напрочь «забыли», что в 70-е гг., годы наивысшего военно-политического могущества *СССР*, по решению *ООН* сионизм был осужден как идеология, противоречащая общепризнанным правам человека и наций. Это решение «втихую» *ООН* отменило после разрушения *СССР*. А для масс-медиа, то есть, мирового, в том числе российского, обывателя придумали смехотворное толкование сионизма, как невинного стремления евреев к проживанию в Израиле. Хотя в самом Израиле для этого используется специальный термин «алия». — Прим. авт.

уничтожении евреев, ранее интернированных в концлагерях для удобства организованной их перевозки на Ближний Восток. В очередной раз в истории сионисты бросили на произвол судьбы своих единомышленников. Поэтому-то для самооправдания им и понадобился Нюрнбергский процесс. Что касается нашей позиции, то мы, конечно, не отрицали массового, чисто по-немецки методично организованного, уничтожения евреев Европы, но все же наши жертвы мирного населения, прежде всего русского, белорусского, еврейского, намного больше. Это при всем при том, что выпячивать число жертв не по-человечески. Все жертвы осатаневшего нацизма вопиют об отмщении. Без разделения на «наших» и «ваших». Однако господам сионистам это трудно принять, ибо они из всего, даже на крови, привыкли делать гешефт.

И сколько же они еще принесут горя своим соплеменникам в Израиле, который на полном содержании Америки? И еще больше горя арабам Ближнего Востока — через направляемую ими же агрессию еврейского государства...

Очень тугой узел на Ближнем Востоке завязан.

Лаврентий как-то спросил, не жалею ли что стал крестным отцом Израиля? Нет, не жалею. Все равно через год-другой Америка, преодолев сопротивление Англии, создала бы еврейское государство. В конце концов, евреи имеют право на свое государство, причем не на Дальнем Востоке, что не получилось у нас с Биробиджаном, тем более — не в Уганде, как предлагали англичане. Другое дело, что в Палестине уже две тысячи лет живут арабы и принявшие ислам коренные евреи.

Конечно, мой врожденный идеализм одно, правда, короткое время, тешил. Дескать, и Голда Меир с русскими корнями, направим в Израиль наших «евреев-двадцатипяти тысячников» и создадим едва ли не семнадцатую советскую социалистическую... Наш форпост на Ближнем Востоке. Забыл от военных успехов о силе мирового сионизма!

Конечно, нынешние и далее устойчиво проамериканские правители Израиля постараются предать забвению мою роль в его создании. Но ведь и Англии по зубам хорошо ударил! Как всей Антанте в тридцать девятом. А если смотреть стратегически в будущее, то наличие Израиля сулит нам значительные политические выгоды. Ибо неприкрытая агрессивность Израиля, подпитываемая Западом, и непреклонность в очистке своей территории от палестинцев в итоге заставит все окрестные арабские страны — от Сирии до Египта — обратить свои взоры на нас, принять нашу военно-политическую и экономическую опеку.

...Один бог рассудит: правы мы или нет. Но так делается большая политика, если хотим и далее оставаться наступающим форпостом социализма во всем мире.

СОЮЗНИКИ ПОНЕВОЛЕ — МОЯ И АЛЕКСАНДРА ПЕРВОГО ОШИБКА

Все же истоки моего подспудного романтизма и идеализма в детстве и юности. Первое — от неустроенности семьи: бедность, сын вечно пьяного сапожника, а мать горничной у состоятельных людей, дома ее почти и не видно. Да и пьяный муж опостылел. Так, наверное, и было. Дети в подобных семьях становятся либо ворами-гопниками, а то и просто живорезами из-под подворотни, либо же неисправимыми романтиками. Не я это открыл, а Диккенс своими романами все рассказал и пояснил: неустроенность для мечтательного от рождения ребенка — прямой путь к поиску хотя бы мысленного, придуманного идеала.

А вот учеба в семинарии, куда и попал-то по протекции очередного хозяина, у которого прислуживала мать Кеке*, перевоплотила детский романтизм в юношеский

* Грузинское уменьшительное от имени Екатерина; так же как и Вождя в детстве звали Сосепо Джугашвили.— Прим. авт

идеализм. И каким бы последовательным, сугубым практиком в своих делах я ни был в последующие полвека с лишком жизни, но от раз воспитанного в молодые годы идеализма никуда уже не уйдешь. Как его не прячь в подсознании, не отрекайся от него, нет-нет да выскочит и обязательно приведет к ошибке в оценке обстоятельств, а то и к промаху. Старею, куда от этого денешься, раз тянет к анализу всего прожитого, прочувствованного, увиденного... и сотворенного.

Вот с Израилем промашка вышла. Хотя, конечно, Израильская советская республика уже на момент нашего — первыми — признания этого государства четко понималось мною как чистой воды романтизм-идеализм. Против лома нет приема, как еще до революции питерская, обуховская шпана приговаривала. Никакие двадцатипятидесятники, даже стотысячники из СССР против американского доллара и всемирной сионистской организации и двухтысячелетнего опыта политического и финансового гешефта не устояли бы.

Дело прошлое и проигранное. Но ведь в войну был же реальный шанс не повторить ошибки «властителя слабого и лукавого», царя Александра Павловича. А ведь наиболее проницательные из царедворцев и даже военных не советовали ему в восемьсот двенадцатом-тринадцатом годах, изгнав остатки шестисоттысячной армии Наполеона из пределов России, эти же пределы покидать. Естественно, округлив западную границу империи за счет той же Финляндии, да кое-что отняв на юго-западе от австрияков и турок.

Символично, что национальный герой той Отечественной войны, Михаила Илларионовича Кутузова (да еще и Голенищев...), воспитанный в воинских искусствах, в военной политике Суворовым и Румянцевым, как-то скоротечно скончался в сilesском Бунцлау, едва только русская армия перешла западную польскую границу... Не хотел фельдмаршал дальше воевать уже не за русские, а за европейские интересы. Хоть таким, скорбным, способом, но уклонился от приказа вообразившего себя Антинаполеоном всей Европы «плешивого щеголя, врага труда».

Тогдашние светлые, прозорливые и многоопытные головы понимали так. Наполеон — головная боль Европы. И последние десять лет предыдущего века — первое же десятилетие века девятнадцатого все эти австрияки, пруссаки, голландцы, бельгийцы и — особенно — варшавские поляки, наущаемые Британией, только и думали, лишь для видимости противостоя французам, да и то русскими штыками генералиссимуса Суворова, как в итальянской кампании 1799-го года, как бы всем им, пропустив через свои территории Наполеона, лоб в лоб столкнуться с Россией на ее же территории, к востоку от Немана. Самим же сторговаться с Бонапартом, откупиться рекрутами в его армию для завоевания Российской империи, поизображать из себя королей-лакеев, а в удобный момент спихнуть с республиканского престола почившего на лаврах корсиканца и вновь стать самостоятельными монархиями. С одним приятным довеском: Россия уже не восточное пугало для них, а разоренное Наполеоном географическое пространство.

Так стоит ли игра свеч? — «Освобождения» этих европейских монархий и добития монстра, порожденного революцией 1789-го года, выстилая путь от Немана до Парижа костями русских воинов?

Выгнав трехколорного императора с масонским «Почетным легионом»* за пределы «округленной» границы, предоставить европейцам самим разбираться с ним:

* Как-то раньше не приходилось видеть изображение этого высшего военного ордена Франции с наполеоновских времен. Однако несколько лет назад на юбилее Тульской писательской организации Союза писателей России рассмотрел его в оригинале на лацкане пиджака тульского же писателя Шпилевого — одного из немногих на то время живых кавалеров этого ордена (за участие во французских маки). И поразился: ведь это пятилучевой мальтийский крест: и звезда Соломона, и мальтийский крест — признанные символы масонства. А здесь и в «квадрате». — Прим. авт.

Европа создала, играя в поддавки, своего губителя престолов и артефактов средневекового феодализма, она же и должна загнать его на Эльбу, а потом на Св. Елену. Или встать под французский, он же протестантский, триколор.

Самое существенное, что даже во втором варианте развития большой европейской игры в казаки-разбойники повторное вторжение Наполеона России не грозило. Во-первых, французы — народ хорошо обучаемый, а отчалившие в обрат через Неман остатки «старой гвардии» на отдыхе в Париже многое порасскажут о пользе питания трупной кониной и воронами, об отможенных ушах и носах в сорокаградусный русский мороз, конных ордах казаков и калмыков, вооруженных вилами и выпрямленными косами бородатых мужиках, которым великий Наполеон поопасался объявить об отмене крепостного права...

Во-вторых, правда, при условии умного царя, отгородившись от Европы, где нам делать вовсе нечего, заряженной на пяти-десятилетнюю драчку, следовало, упреждая заразу масонского декабризма, провести реформу всего уклада жизни. В первом приближении чем-то похожую на грядущее реформирование Александра Второго. Но, конечно, не в духе «раннего Александра Первого» с пропольским нашептыванием Чарторыйского, а разумно сочетая необходимую толику либерализма с реальным укреплением монархического фундамента. Иного пути для России на начало века не предвиделось.

И, наконец, укрепить армию, удвоив-утроив производство современного оружия на заводах Тулы, Сестрорецка, Златоуста и уральских пушечных.

А после этого, на благо отечества и чтобы Наполеону или каким другим европейцам не пришла в голову очередная мысль-искушение насчет России, разобраться с Турцией, благо «больной человек» в силу сложившихся обстоятельств остался бы без поддержки европейских ненавистников русских. На шестьдесят лет раньше освободить Балканы, взяв их под отеческое, но и жесткое покровительство царя. А заодно и исполнить великую мечту России — Третьего Рима. Выбить османов с Балкан полностью, переименовать Стамбул в Константинополь, водрузить крест над Святой Софией, перестроив минареты в колокольни, взять под контроль Черноморского флота проливы и все северное Средиземноморье до Апеннинского полуострова.

...После чего уже без всяких хлопот и опять же на семьдесят лет раньше «белого царя» и «белого генерала» взять под скипетр и державу Среднюю Азию. Понятно, что с Кавказом и тогда пришлось бы возиться долго, но все равно не полвека, как потом получилось. Все это позволило бы Российской империи — и опять на три четверти века раньше — сделать стратегический отворот от Европы на Тихий океан. Благо Аляску, Алеутские острова и Калифорнию братец Второго Александра Константин еще Соединенным Штатам не продал...

История обратного хода не имеет. Но жаль, что в восьмьсот двенадцатом году не было создано исторического, судьбоносного для России прецедента. Вместо разумного предоставления Европы Наполеону, или наоборот, недалекий «щеголь» исправно выполнил запасную директиву «англичанки». То есть, еще год с лишком трепал русскую армию по полям сражений Европы, позади ее смешным триумфатором въехал в Париж, очаровал буржуа и белолшвеек приторным либерализмом и вернулся восвояси, оставив на Сене свое имя в городских названиях и память о русских казаках и гусарах в переименованных в *бистро* парижских забегаловках. А за мимолетный триумф получил Финляндию и временное генерал-губернаторство в немецком княжестве. Впридачу же будущую, позорную для России Крымскую войну, малоутешительные итоги Балканской войны 1877—78 годов без Константинополя и крестов над Софией, объединившуюся в империю Гогенцоллернов Германию и «вершину» всего — роль европейского палача-усмирителя в Священном союзе, что сделало

имя России ненавистным для всей Восточной Европы. Это и до сих пор нам аукнется. И еще аукнется не раз, вернее всякий раз, как у нас дела будут разлаживаться.

История и у нас обратного хода не имеет. Почему я не решился на прецедент, повторив ошибку царя Александра Первого? А сейчас и вовсе только в тайных своих мыслях могу об этой упущенной возможности вспоминать.* Хотя это, строго говоря, уже и не явилось бы прецедентом, ибо был сепаратный мир Ленина — Троцкого (последний и здесь подлость сделал: «Ни мира, ни войны, но армию распустить») с Германией. Но этот мир — от безвыходности. А у меня и Александра Первого это был бы мир с противником в нашей выигрышной ситуации.

...Видно, Гитлер на какое-то время поумнел после Сталинградской битвы, а скорее всего животное чувство самосохранения обострилось, но из ведомства Лаврентия начали поступать агентурные данные о пробных ходах немецкой дипломатии — зондирования возможности заключения с СССР перемирия, по существу — сепаратного мира. Причем, по анализу спецов с Лубянки, это не была инициатива какой-то военно-политической группировки, как переговоры позже, в 45-м году в Швейцарии генерала Вольфа с Даллесом, желавшего отмежеваться от фюрера. Нет, все указывалось на инициацию этого зондирования самим Гитлером.

Все эти телодвижения шли через Стокгольм, в годы войны ставший «ничейным полем», заменившим окруженную государствами Оси Швейцарию, где здания посольств с флагами со свастикой, с серпом и молотом, звездно-полосатым и «двухспальным английским левою» соседствовали, а на дипломатических приемах в день рождения шведского короля дипкорпус делился на две группы, не здоровающихся друг с другом. Но дипломаты и представители разведок всего воюющего мира при необходимости могли встречаться и в более скромной обстановке, нежели королевский дворец.

Умная баба двух мужиков стоит. Сколько же таких негласных контактов сделала Коллонтай? И главное — с огромной пользой. Выход из войны Финляндии, удержание Японии от искушения в самые тревожные для нас первые полтора года войны, ограничение дуче в количестве посылаемых на Восточный фронт дивизий, опять же удержание, как и Японии, Болгарии и турок, наконец, и румыны в сорок четвертом году повернули свои штыки на северо-запад. Ее дела.

Смех и грех, но в двадцатые-тридцатые годы наши успели в строительстве социализма, а главное — пропаганда наших будущих противников среди своих народов, такого монстра из СССР в глазах правителей и обывателей всей Европы сделали, что главным нашим аргументом в тайной стокгольмской дипломатии была не столько наша военная мощь, но прозрачные намеки через посольство Коллонтай. Дескать, Финляндия в одночасье может войти в состав Карело-Финской ССР, а Маннергейма сменит на посту товарищ Куусинен. Для Японии: вопрос о Южном Сахалине и Курилах, увы, гражданин император Хирохито, особому обсуждению по окончанию мировой бойни не подлежит. Но ведь и японский трудовой народ может захотеть жить в Аино-Хоккайдской ССР? И на носке итальянского «сапога» как бы не случилось Сицилийской... и так далее республики? А для восточноевропейских союзников и сателлитов Германии это все и сбылось.

* Излагаемую ниже версию в стиле столь популярного ныне литературного жанра «параллельной истории», впрочем, имеющую некоторые реальные основания, не следует принимать в штыки (в беллетризованной форме она описана нами в романе «Историк и его История», Тула, 2005), в мыслях радея о возможной обиде западников, наших нынешних «партнеров по борьбе с мировым терроризмом». Они-то не стесняются тиражировать романы «параллельной истории», а Голливуд пачками снимает фильмы, которые и на российском телевидении идут, в которых Запад заключает перемирие с Гитлером, а тот увязает в бесконечной войне с «Советами». А в Европе тишь да благодать... Резюме: неча на зеркало пенять, коли рожа крива!

Вот такая высокая, тайная и стратегически важная политика делалась в годы войны в благоденствующем и жиреющем на поставках Германии промышленного и сельскохозяйственного сырья Стокгольме. Но вот в чем ни единым полусловом не упрекнул мои вероятные будущие гробокопатели, так это в неиспользовании того редчайшего и судьбоносного случая, который дается государством раз в сто, а то и побольше, лет. И который не решился использовать ни Александр Первый, ни товарищ Сталин, аз есмь грешный поневоле.

Что остановило? — Конечно, не желание получить на погоны самую большую звезду. Не искушение в третий раз за историю России войти триумфатором в Берлин и по-хозяйски пройти своими сапогами под знаменитой аркой в Потсдаме. Я, все же, не Гитлер, что после падения — без боя, правда — Парижа, стоя под тамошней же Триумфальной аркой, демонстративно топал по асфальту французской столицы, позируя перед кинокамерами.

Нет, здесь другое. То, что было возможно в войне восьмьсот двенадцатого года, в первые месяцы установления в России советской власти, увы, во время Второй мировой стало практически нереальным. Вернее, шанс имелся до Сталинградской битвы, но на него не пошел бы Гитлер. А после Сталинграда это было уже для нас табу. Причин назвать можно много: от потери международного авторитета, особенно в глазах доселе сочувствующих нам и надеющихся на нас миллиардов людей труда, до вполне реального заговора наших маршалов и генералов, почувствовавших после Сталинграда весомость своих золотых погон, дающих сладость почти неограниченной власти, личной и коллективной, почет и почитание в *СССР* и даже во всем мире. А это дороже чем материальные блага. Впрочем, и в них страна не отказывала своим полководцам. Здесь же надежда на трофеи в поверженной гитлеровской Европе. Кстати, чем они в сорок пятом с подачи своих от природы жадных баб — жен, дочерей, любовниц — и воспользовались, разграбив даже бесценные музейные коллекции. Не все, конечно, но ведь было?

...Это все можно было предусмотреть и упредить. Авторитет — дело преходящее. И, вообще-то говоря, в современном, сугубо прагматичном мире авторитет сопряжен с силой: военной, экономической и политической. На всякие заговоры есть Лаврентий и его ведомство, избавившееся после ежовщины, после бериевской же чистки аппарата *НКВД* от явных и тайных наших врагов, а в годы войны ставшее лучшей разведкой и контрразведкой мира.

И мировая социалистическая система все одно бы образовалась. Гитлер за развязывание своих рук на Востоке без разговоров бы отдал нам уже ненужных ему восточноевропейских союзников и сателлитов, даже Польшу без Данцига и Померании. А мы бы в един миг вытеснили англичан из Южного Ирана, заняв всю его территорию с неисчислимыми запасами нефти, и жестко поставили вопрос перед Турцией: с кем вы, бывшие османы, ставшие волею Ататюрка и военно-экономической помощью Ленина гражданами светского государства?

На Востоке же не только Китай, Корея и Вьетнам вошли бы в соцлагерь. Не только... Для этого потребовалось только сокрушить Японию. Советская военная мощь это позволила бы сделать за год-полтора: на континенте и на самих самурайских островах. Самое существенное, что войной с Японией, уже по нашей инициативе, мы бы раскололи атлантистов и приобрели даже в условиях сепаратного мира с Германией невольного союзника — *США* — на Востоке. А в новых условиях мы бы и атомную бомбу сделали одновременно с американцами, лишив Запад приоритета оружия возмездия за сепаратный мир.

...Военно-политическая стратегия — вещь жесткая, очень часто жестокая и за пределами обыденной морали. Хотя разве думала о ней Антанта, второй раз за не-

полную треть века сталкивая ради своих интересов нас с Германией в жесточайшей схватке?

И еще один существенный момент. Мы бы нейтрализовали сионистскую верхушку США и спасли от гибели миллионы европейских евреев, создав на пять лет раньше Израиль броском Красной Армии из Ирана через Ирак, заставив по условиям перемирия Гитлера ни единым пальцем не трогать евреев Европы, а желающих переселить в Израиль. Главное же — этим ходом мы бы спасли от гибели миллионы наших людей: солдат и мирное население.

Главное, самой Европе тоже не долго пришлось бы истекать кровью. Лишившись пушечного мяса для противодействия Рейху на Востоке, Англия и США мигом перестали бы придуриваться, отделяваясь корпусными операциями в Северной Африке и Южной Италии, тотчас бы открыли Западный фронт, а многоопытная английская разведка организовала смещение Гитлера. То есть, война в Европе — а это ведь тоже сохраненные людские жизни? — закончилась бы очень быстро и по образцу завершения Первой мировой.

...Так почему я не сделал такого шага, результаты которого, исключая несостоявшиеся амбиции Германии Гитлера, устраивали бы всех и вся? В том-то и дело, что середина нашего века — это не его начало, тем более — предыдущие века. Наступило время, когда, образно говоря чьими-то словами, не вспомню сейчас, история вырвалась из-под какого-либо, пусть даже и малого, контроля человека, человечества. На это намекал и умнейший наш историк, академик Тарле. А наши кондовые марксисты-ортодоксы еще и травлю на него пробовали организовать! Основной признак такой полной автономии истории — запутанная взаимосвязь всех стран, независимо от их социального, экономического строя и развития, противостояния или союзничества. Все связано, запутано и перепутано. И без того ограниченная роль личности в историческом процессе все более и более сводится к некой статистической усредненности. Наверное, и я засиделся «на должности» Вождя, последнего могикинина, что имел право и силу — от воли народа — творить эту самую историю.

Впрочем, если доживу — что сомнительно — до мемуарных лет, все равно ни полслова, ни четверть намека не напишу и не озвучу о мыслях идеалиста, что упустил в своей деятельности возможность «укоротить» развязанную империалистами Вторую мировую войну. Это я унесу с собой.

КАКОЙ БУДЕТ ТРЕТЬЯ МИРОВАЯ?

Бог троицу любит. Но это не бывший семинарист, несостоявшийся поп во мне говорит. Закон троицы, как наставлял нас отец Иракий, не только в патристике имеет силу действия, но присущ всему духовному и физическому мирозданию, космосу, как университетские профессора и приват-доценты говорят.

Когда наш добрый и мудрый наставник начинал говорить о мироздании и космосе, мы, семинаристы, наверное знали: вчера ввечеру отец Иракий заходил на поздний ужин к директору второй мужской гимназии Махарашвили. Если же к мирозданию и космосу добавлялся закон троицы, или триединого основания — с упоминанием философа Шопенгауэра, то даже самый тупой в классе мог сказать: отец Иракий вчера был в гостях у Георгия Церетели. Да-да, Георгий Ефимович. Как нас с ним судьба переплела? — В девяносто шестом году он напечатал в своем журнале «Квали»* мое стихотворение «Старец Ниника». Последнее мое опубликованное стихотворение. А с его сыном, тож Иракием, лидером меньшевиков в РСДРП, двадцать

* Еженедельный журнал, в переводе его название — «Борозда». Редактировался Г. Е. Церетели в 1893—97 гг.— Прим. авт.

лет мы баталии вели, хорошо хоть словесные. Непримирымый был человек, эмигрировал и посеичас в эмигрантских газетах пишет о своих обидах. В том числе на меня.

...А отец Иракий, далекий от всякой политической кухни, объяснял закон троицы просто и наглядно. Из всех, мол, фигур самая жесткая и плодящая все остальные фигуры — есть треугольная. Три угла — минимально нужное для образования фигуры, то есть чего-либо сущего. Потому закон триединства одинаково справедлив в натуральной философии, в философии рассудительной, в истории и во всех делах, поступках и мыслях людей. И аминь на том!

...Аминь аминем, но третьей по счету мировой войны человечеству не избежать. Из чего исходим? — Из того, что мировые войны двадцатого века — это спуск пара перегретого котла, в котором капиталистическая формация переваривается в социалистическую. Ничего здесь удивительного нет; все предыдущие смены социально-экономических систем точно так же сопровождались чередой войн. Это всякий знающий мировую историю в объеме средней школы или дореволюционной гимназии мигом сообразит.

Все дело только в масштабах, возрастающих по ходу истории. А вот кто знает историю досконально, например, как увлеченный самообучающийся или преподаватель этой дисциплины, то как дважды два с цифрами дат и названиями докажет: каждый переход от одной формации к другой сопровождался тремя видами войн, каждая из которых в строгой последовательности реализует один из трех законов диалектики. Так и в нашем веке. Первая мировая — это овеществление закона единства и борьбы противоположностей внутри созревшей капиталистической системы. Только что минувшая война явно подчинялась закону отрицания отрицания. То есть, история делала выбор между вариантами устройства социальных, социалистических систем, которые, в свою очередь, отрицают предыдущую, капиталистическую формацию.

А для демонстрации действительности закона перехода количества в качество, увы, потребуется Третья мировая. Что в данном случае означает этот переход? — Это полный и окончательный кризис капиталистической формации, обоснованный Карлом Марксом, и переход от многообразия, то есть, количества, оттенков выраженного социализма, как у нас, социальных систем в рамках капитализма, как в той же Скандинавии. Наконец, от полусоциализма-полукапитализма и даже остатков феодализма, как в разных странах Азии. Да и в странах развитого, классического империализма, в странах Запада усиливаются тенденции социализации — поневоле, чтобы трудящийся класс подмазать, отвлечь его от примера СССР и стран соцлагеря. А в итоге — переход количества в качество.

В этом смысле Третья мировая будет уже решающей; тот самый «последний и решительный бой». И в этой последовательности мировых войн их жестокость, объем и жертвенность стремительно возрастают. Это видно даже по используемому высшему оружию уничтожения. В Первой мировой войне — отравляющие газы. Вторая война завершилась взрывами атомных бомб. А Третья что человечеству преподнесет? — Водородная бомба вот-вот придет на вооружение Советской Армии. Не задержится дело и у американцев. Правда, атомщики наши, Курчатов и Зельдович, поговаривают уже о нейтронной бомбе. Но все одно, ядерное оружие в любой его ипостаси, это прерогатива прошедшей войны и системы взаимного запугивания — сдерживания современного нашего противостояния с Западом.

Нет, содержание и средства грядущей Третьей мировой будут совершенно иными, абсолютно отличными от всех предыдущих войн человечества. И нынешних — навроде Корейской.

Чисто оружейная, традиционная, хотя традиция дурная, война уже и сейчас гонится только для местных битв. Локальных, как сейчас говорят западные политики.

Причем за исключением «выяснения отношений соседей» где-нибудь в Азии, Африке и Латинской Америке, эти местные войны будут опосредованным противостоянием Запада и соцлагеря, которые уже скоро формально объединятся в свои военно-политические союзы.* То есть, эти войны по сути *договорные*. Ведь фактически не Ким Ир Сен с Ли-Сын-Маном в Корее воюют, а мы с Америкой. Качество же договорности суть неприменение в местных войнах ядерного, химического и бактериологического оружия.

Третья мировая по определению не может быть договорной. С другой стороны, невозможно и применение оружия массового уничтожения, прежде всего ядерного.

Считается, что американцы упустили момент уничтожения СССР до начала пятидесятых годов с их монополией на атомную бомбу. И даже после испытания нашей бомбы, еще не поставленной на серийное производство. Соответствующие планы нападений «срисовывались» службами нашей внешней разведки и ГРУ. Но наш генштаб сомневался в возможности их исполнения: средства доставки до территории СССР были «по зубам» нашим ПВО.

А уже сейчас, тем более через пять-шесть лет, при серийном производстве бомб американцами и нами, созданием межконтинентальных ракет и атомных подводных лодок-ракетоносцев, что сейчас проектируют ленинградские ЦКБ «Рубин» и «Алмаз», ядерная война — это самоубийство человечества.

И пора задуматься о средствах и содержании грядущей Третьей мировой. Пока же Генштаб, его ГРУ и Лубянка ничего определенного сказать не могут. Опять «фьюрер» за всех думать должен?

Итак, атомные и водородные бомбы исключаются. Они для противостояния в нынешней, «холодной» войне. Химическое и бактериологическое оружие, скорее всего, по нашей с Западом договоренности будет всемирно запрещено. Не из гуманности, конечно, а по той причине, что это легко создаваемое оружие, не требующее огромных коллективов высоких умов и непосильных затрат ресурсов. Поэтому им легко могут обзавестись всякие «промежуточные» страны, что ни вашим, ни нашим. Но и Западу, и нам такие не нужны. Такая вот простая и нелicenseмерная механика...

«В начале было слово»,— затвердил в моей семинарской памяти отец Иракий. Из его же толкований: слово может быть утешительным, а может стать и разрушительным. Далее отец Иракий садился на своего излюбленного конька: философия в живых образах. Святы Евангелия — величайшие творения и откровения Сына Божия. Чтение писаний Марка, Иоанна, Луки и Матфея, даже апокрифов от Дидима Иуды Фомы, апостола Филиппа, приносит исцеление измученной душе и ослабленному от болезней телу. Но если вам, не дай, Бог, попадутся в руки мерзопакостные писания маркиза де Сада или Мазоха, масонская «Молот ведьм», то отриньте их, выбросите в помойку, а для очищения от греха держания этих книг в руках поднимитесь на Мтацминду и помолитесь праху наших великих воинов, правителей и учителей мудрости. Ибо только за боговдохновенным словом стоит истина и утешение. Как сказал апостол Павел в Первом послании к коринфянам: *«И слово мое и проповедь моя не в убедительных словах человеческой мудрости, но в явлении духа и силы»*.

Вот и с Лубянки в недавнем докладе, который передо мною на правах куратора МГБ читал Лаврентий, его же рукой подчеркнуто красным: «...В последние два-три года резко активизировалась антисоветская пропагандистская работа западных радиостанций, вещающих на СССР, причем не только на русском языке, но на прибал-

* Блоки НАТО и Варшавский договор были созданы уже после смерти И. В. Сталина, но аббревиатуры «НАТО» уже с 1952 года муссировались в прессе.— Прим. авт.

тийских, закавказских и среднеазиатских. Для двух последних случаев используется территория Турции и Ирана. А на одной из американских верфей заложено опытное судно — радиостанция широкопередаточного типа. Такая активизация, связанные с ней немалые финансово-технические затраты, а также поступающие к нам разведданные свидетельствуют о том, что в США, в ЦРУ задействована специальная долгосрочная программа массовой пропаганды антисоветизма и буржуазного образа жизни. Согласно достоверным сведениям, разработка деталей программы ведется в Гуверовском центре изучения общественного мнения, где создана специальная группа из ведущих специалистов по «промыванию мозгов». В нее входят также в качестве консультантов представители белогвардейской эмиграции, перебежчики и невозвращенцы, изменники и предатели периода войны...»

...И приписка Лаврентия в конце доклада, сообщающая, что в структуре МГБ уже создается специальная служба по техническим средствам контрпропаганды и противодействия западной пропаганде.

И еще вспомнилась та давняя беседа с академиком Бехтеревым, что консультировал меня по больной, усыхающей руке. В части руки он подтвердил артрит и плечевое ущемление сухожилия — следствия травмы времен Гражданской войны. Между делом на мой вопрос, скорее из вежливости, о направлении работы академика в научной части, тот пояснил: занимается со своими учениками и с использованием недавно приобретенного в Германии медико-технического оборудования исследованием некоторых феноменов человеческой памяти и психики. Уловив из реплик именитого пациента, что тот не только в политике разбирается, пояснил: в основном это опыты по массовой внушаемости, научное подтверждение мыслей на этот счет у Лебона и Фрейда. «А это может стать со временем оружием страшнее газов и линкоров,— невесело сказал Бехтерев,— поэтому мы и должны знать о сути этих феноменов».

...Отец Ираклий, доклады с Лубянки, инициатива Лаврентия, более всего то давнее замечание академика Бехтерева, попавшего по наивности в житейских делах в цепкие путы германской разведки,— все это неспроста все чаще и чаще в такой странной, на первый взгляд, взаимосвязи вертится в голове, обостряясь в такой вот вяло-болезненной бессоннице.

Да и по личному опыту хорошо знаю: грамотно поставленная в нужное время и в нужном месте пропаганда — великая сила. Мощнее дальнобойных орудий, аэропланов и танков. Все это уже продемонстрировала наша, почти бескровная революция и братания на позициях русских и австро-немецких солдат. А великая перековка двухсотмиллионной страны за считанные двадцатые годы от «церкви, самодержавия и народности» к «социализму, советской власти и труду»?

Но кто застрахован от обратного? Правильно, никто. Стоит ослабить нашу пропаганду делом и словом, победами и достижениями, досыта накормить страну — а ведь мы к этому всеми силами стремимся! — и этим непременно воспользуются наши внешние и затаившиеся внутренние враги. И главный наш враг — загнанный в подсознание биологический инстинкт частнособственничества, потребительства и безудержного накопительства. Здесь, конечно, абсолютно прав уже упоминаемый этой ночью Конрад Лоренц...

Империалисты Европы и Америки, особенно Европы — с ее двухтысячелетним опытом оболъщения и улещивания, не идиоты с наших простецких плакатов с «Окон РОСТА» и страниц «Крокодила». В части обработки человеческих масс они сто очков вперед могут дать нашему агитпропу, не всегда поворотливому и боевитому. А составляющая его интеллигенция по русской мягкости характера недостаточно агрессивна в отношении критики и изобличения врага. Но самое здесь страшное —

если во властные кресла и в тот же агитпроп пролезут троцкистские последыши. Их и покупать-то за фунты и доллары, тратиться на них Западу почти не придется. Сами свои услуги предложат, впереди паровоза поскочат.

Таким образом, скорее всего Третья мировая, как логическое завершение нынешней «холодной» войны, если она случится, будет, во-первых, не мировой бойней, какой была Вторая; во-вторых, она станет перманентной — почти по Троцкому, затянувшейся на годы и даже полтора-два десятилетия; в-третьих, конечно, и пушки по всему свету, то там, то здесь, будут постреливать эти десятилетия, ракеты с атомными и водородными зарядами будут грозить друг другу, но война эта случится как пропагандистская. И кто в ней победит — мы или они — такого конкретного ответа сейчас никто не даст. Победит тот, у кого пропаганда поставлена лучше. Не только количественно, но главное — качественно лучше, убедительнее, «дальнобойнее». В этой войне мало что будет зависеть от народных масс. Здесь не потребуются тысячи «братишков», перепоясанных пулеметными лентами, миллионы солдат, сотни тысяч офицеров. Все здесь зависит от правительств и их идеологических штабов. Иной яйцеголовый, лысый, затылочек тыковкой и в очках будет стоять дивизии, а то и корпуса, на полях былых сражений. При условии, что этот тыквоголовый из ЦРУ с гарвардским образованием или в идеологическом отделе ЦК — выпускник МГУ — знает как из советского человека уже во втором, третьем поколении сделать мелкобуржуазную овечку или кондового нью-йоркского биржевика заставить по ночам читать ленинскую «Империализм как высшая стадия капитализма»...

Скажите, что товарищ Сталин переутомился почти в тридцатилетнем руководстве 1/6 части земной суши, мерещится ему в тумане неясного будущего образ дьявола-пропагандиста? Ну, во-первых, сейчас никто этого не скажет, даже лучшему другу после распития литровки сорокаградусной, после войны, памятуя слова Менделеева, пришедшей на смену слабосильной тридцатиградусной «рыковке». И даже не потому что в памяти ежовщина, а просто уважают слова и дела генералиссимуса. Во-вторых, никому не дано знать будущее, но никому не запрещается думать о нем. Кстати, дать указание в ЦК кому поумнее: организовать совместную с Академией наук, Генштабом и Лубянкой закрытую дискуссию-обсуждение возможных вариантов Третьей мировой. Конечно, самого этого пугающего названия не употреблять, а завуалировать под грядущий общий кризис империалистической системы. Ворошилова с Буденным, да еще Булганина — в президиум, для благоустройства. Основной доклад Лаврентию. Может, и я выступлю под конец. Поскребышеву особо пометить у себя: коньяк в буфете не подавать, а то военные сдружатся с академиками и превратят дискуссию в благодушную говорильню и шапкозакидательство.

И еще зарубку в память. Лаврентию по контрпропаганде, а Маленкову с Кагановичем по внутреннему агитпропу подготовить развернутые планы мероприятий в перспективе на десять лет. Сроку дать по полтора-два месяца.

...Все-таки, а особенно имея в виду решительное столкновение с мировым империализмом, не покидает ощущение: где-то мы дали слабину, левизну ли, правизну? С одной стороны, по-человечески понятно: надо дать передых народу, даже его руководителям, после нечеловечески трудных лет войны и восстановления страны. А то мы все напрягаем и напрягаем; без этого тоже нельзя, если смотреть с другой стороны. Ведь может случиться как в той присказке о цыгане, что постепенно уменьшал своей лошади день ото дня паек овса и сена. Сдохла ведь лошадь, когда по расчетам ромалы она совсем было от еды отвыкла.

Так ведь речами и плакатами «Ешьте крабов» единственно не прокормишь народ. Пора уже и о сытости подумать, но не чрезмерной, чтобы не освободить в головах джина частнособственничества и потребительства. Агитпроп тоже пора пришла на

научный базис переводить от пустопорожнего алилуйничества. Время Губельмана-Ярославского прошло, слава богу, безвозвратно. Дело пропаганды и контрпропаганды следует так поставить, чтобы и без «железного занавеса», который, правда, еще некоторое время потребует, но годы его уже сочтены, не наш колхозник ихнему фермеру, не фрезеровщик Иванов расточнику Джону в чем-то завидовал, а чтобы ихние фермеры и расточники с некоторым удивлением и недоумением смотрели на наших колхозников и рабочих: сыт, одет-обут, поголовно грамотен и при всем при этом уверен в своем будущем, будущем своей страны.

Хрен тогда они нас возьмут своей пропагандой, на которую тратят миллионы и миллиарды долларов и фунтов. Главное — не перекормить фрезеровщика Иванова и не дать колхознику Петрову замечаться о «свободном хлебопашестве».

...Но перед самим собой хорохориться не буду: страна без хозяина может оказаться и добычей в Третьей мировой. Увы.

ЗАПАДНАЯ ДЕМОКРАТИЯ: ПРОТЕСТАНТСКИЕ ШТУЧКИ-ДРЮЧКИ; Я ВЗЯЛ РОССИЮ С СОХОЙ, А ОСТАВЛЮ С АТОМНОЙ БОМБОЙ И РАКЕТАМИ

В перманентной, пропагандистской войне с нами Запад в качестве основного козыря вовсю использует свой институт демократии. Здесь игра на внешних различиях нашей и ихней организации государственной системы. Мы их систему называем показной буржуазной «демократией». Обязательно в кавычках. Они же нас именуют закрытой тоталитарной системой, отгородившейся «железным занавесом» от Запада только для того, чтобы советские люди не ведали о жизни всем довольных, свободных людей в странах традиционной демократии.

Здесь каждый прав по-своему, но никакого компромисса между этими правдами нет и быть не может.

Да, «железный занавес» в двадцатые-тридцатые годы заставили ввести именно западные демократии. И как перед стенами крепости дополнительно вырывают ров, наполненный водой, так и западники, принудив нас к занавесу, еще организовали санитарный коридор, правильнее — кордон, от Балтийского до Черного морей. Во главе с люто нас ненавидящей Польшей.

Спрашивается: почему мы после войны, перелицевав буржуазный санитарный кордон против нас в социалистический пояс против них, не убрали занавес? Отвечаю: во-первых, традиции столь быстро не меняются, да и вредна такая быстрота; во-вторых... Здесь придется пользоваться терминологией школы первой ступени. Или подготовительного класса царской гимназии.

Внешне, особенно на расстоянии, демократия завлекательна: хочу работаю, а нет, так попрошайничаю или по мелочи подворываю; сегодня я никто, а завтра по выборам депутатом стану (только кто тебе это позволит?); читаю что хочу или вовсе грамоте не знаю. И так далее: ни колхозов тебе, ни принудработы за тунеядство, а главное, открыты все пути к богатству. Если, конечно, повезет. Но в характере человека полагать именно себя назначенным судьбой.

А наш народ, добрый в историческом своем характере, перенесший не одну войну за тридцать с небольшим лет, при необходимости выживания страны в полном вражеском окружении предельно дисциплинированный, редко евший досыта, к тому же романтик и мечтатель, может с непривычки и поверить в жупел западной демократии. Как малые дети, сидя за партой, все в мечтах об уличной вольнице. Забывая, или еще не зная, что на улицах, за пределами школы и родного дома, гурьбой ходит шпана, строгие дядьки-милиционеры, противные ворчливые старухи и много кого еще из малопрятных и пугающих.

...Занавес надо снимать постепенно по мере умудрения нашего человека, уравнивания его с западниками в материальном положении. То есть, у нас никакой не тоталитаризм, как внушают европейскому и американскому обывателю, а дисциплина, учение и труд. Как в школе, ибо мы уже тридцать лет учимся строить новую жизнь, опыта которой доселе история человечеству не предоставляла.

...А вблизи западная демократия не столь уж приглядна. Символично и показательно, что провозвестниками капитализма стали религия и социальная философия. Прежние не устраивали новонарождающийся класс сугубых частных собственников и безмерных накопителей ради самого накопительства.

Не устраивало христианство, худо-бедно, но канонически поддерживаемое католицизмом с папским престолом в рамках Христовых заветов, в особенности касающихся заповеданного Спасителем примата коллективизма перед индивидуальностью и отрицания богатства как нормы бытия. Так в нужное время появились Лютер и Кальвин, отколовшие от Ватикана почти всю Европу, во всяком случае ту ее северную и центральную части, где и предстояло родиться капитализму.

Англиканский и континентальный протестантизм хотя и называет себя реформированной апостольской церковью, даже соблюдает определенную, хотя и сильно упрощенную, обрядовость, но это уже иная религия, ушедшая от заветов Христа. Так что наш агитпроп в части школьных учебников истории, проводя аналогию между расколом западного христианства и расколом русского православия при Никоне, показывает себя совсем не с умной стороны. У нас никакого раскола не было, но также его не было в Европе. Ибо в России никониане и староверы как были, так и остались в православной полноте. А протестантизм в Европе вышел из ареала христианства.

...И семинарский отец Иракий не с бухты-барахты, не со вчерашнего вечернего гостевания у Георгия Церетели намекал: протестантизм и ислам санкционировали опытные в таких многосложных делах потомки ветхозаветных патриархов: чтобы сузить ареал влияния христианства, почти ставшего мировой религией в раннем Средневековье, добравшись до Индии и Китая, создав азиатское «царство пресвитера Иоанна». Что ж, так в долгой истории и бывает. Здесь то же самое: Христос на ритуальной базе иудаизма создал свое учение, а дождавшись своего часа, иудеи откололи от европейского христианства солидную его часть, создав протестантизм на ритуальной базе христианства.

Конечно, протестантизм вовсе не брат, даже не троюродный брат ветхозаветной религии, во многом, особенно в обрядовости, антагонист ей. Мудрецы Сиона — люди исключительного, дальновидного ума. Свою сакральную веру они не распьяют; это их и только их вера, данная первым пророкам древнего Израиля Всевышним как избранному народу. У них только один «идеологический» противник — христианство, и их сверхзадача — дробление церкви Христа, а лучше — трансформирование ее в нечто иное. Как в случае с реформаторством.

Так говорил отец Иракий, так написано во многих трудах достаточно серьезных ученых нашего века, что мне довелось прочитать.

Протестантизм предуготовил нарождающейся буржуазии свободу от запретов Христа на сугубый индивидуализм и частнособственническое накопительство. Чуть позже, в эпоху Просвещения, в восемнадцатом веке, во Франции и в Англии свершился и переворот в философии, прежде всего в социальной. В своих трудах Юм, Локк, Кондильяк, Руссо, Вольтер и все остальные именитые мыслители создали философское учение эпохи Просвещения. Это явилось высочайшим взлетом этой науки в истории Западной Европы, исключая Германию, время которой еще не подошло...

Это учение и явилось основой идеологии и культуры нарождающегося капитализма. Таковой оно остается и для современного нам буржуазного мира. Основной

догмат просвещенческой философии — сугубая индивидуальность личности и либерализм. Но все это при признании естественным, как в «Общественном договоре» Руссо, разделения общества на антагонистические классы и частнособственничества.

Кстати, это сразу же породило ответную реакцию предшественников социализма — социальных утопий Томаса Мора, Кампанеллы, Кабэ и других. Правда, еще слишком прямолинейно понимающих социальное равенство, опирающихся на идеальное государство Платона.

И вот, как те две шерочка с машерочкой, церковь и философия подготовили социальную и этическую предтечу капитализма, который и явил себя миру, и продолжает являть как воплощение протестантской, в особенности кальвинистской, идеологии: примат классового разделения, частнособственничества и накопительства при личной свободе человека по принципу: свободен жить и не жить, стать миллиардером, если получится, или люмпеном, изгоем, нищим. А превыше всего — торговая и финансовая спекуляция.

Такая вот демократия при ближайшем рассмотрении. А отсутствие планового регулирования производства, конкуренция и принцип навязывания совершенно ненужных товаров населению приводит к периодическим кризисам перепроизводства. Но это кажущееся изобилие товаров и их фасонов на рынке сбыта — издали кажется признаком добротной устроенной жизни всего населения капстран. Это-то и может совратить наш народ, еще не отошедший от скромного потребления. Поэтому надобность в занавесе от мира капитала — в бытовом смысле — еще не миновала. Пусть советский народ пока твердо усвоит смысл мудрой присказки: славны бубны за горами! Протестантские штучки-дрючки...

Коварные качества современного протестантского капитализма я всегда держал и держу в голове на первом месте. И тихо, не на трибуне, не в президиуме, горжусь тем, что, имея столь изощренного, умного и коварного врага, опираясь на идеи Маркса и Ленина, на плечи многих верных товарищей и соратников, чувствуя поддержку подавляющего большинства советского народа, за исторически короткий срок из нищей и разрушенной подряд двумя войнами лапотной России создал сверхдержаву, сдерживающую натиск всего капиталистического мира. Конечно, с помощью стран народной демократии... Ну, вообще-то это напоминает, честно говоря, смешливые рассказы Рокоссовского, маршала СССР и Польши. Как сейчас поляки говорят об участии в освобождении их страны Войска Польского? — «Наши бойцы из Войска единым ударом выбили гитлеровцев из Варшавы и всей Речи Посполитой. Только москали мало-мало подмогли!» Вот так и не меньше. А когда мы в сорок третьем — сорок четвертом спешно формировали это «Войско Польское», больше чем на половину комплектуемое из тамбовских, пензенских и других областей сроков призыва, так те поначалу никак не могли привыкнуть к чудным гимнастеркам и конфедераткам, спешно пошитым в Шуе и Иванове.

С трибун и президиумов, разумеется, нужно говорить о единой мощи соцлагеря, но народ наш далеко не так прост и привычно заменяет в своей голове эту мощь соцлагеря на советскую военную, экономическую, политико-идеологическую силу.

Вот и Мао — без году неделю, как правит Китаем, но уже проскакивают в его речах для «внутреннего пользования» слова и фразы насчет опоры на собственные силы. Как будто у нас на Лубянке и в других специальных учреждениях некому с иероглифов на русский язык переводить китайские газеты! Везде и за всеми догляд нужен хозяину страны: и за вашими, и за нашими. Ну пусть, пусть, по молодости руководства. Пока слушается. В корейской войне себя хорошо показал.

Итак, как ни крути, но это именно мы рассчитывали и сейчас рассчитываем на свои силы. Человек быстро привыкает к хорошему... Впрочем, и к постоянно плохому...

му. И вообще ко всему на свете. Вроде как уже никто, ни у нас, ни у капиталистов, не удивляется: как это мы сумели за тридцать с небольшим лет от сохи, неграмотности и территории страны, три четверти которой лишь абрисом нанесены на карту, стать высокоиндустриальным государством, красной империей, мощи которой опасается весь буржуазный мир?

И это был-то не ровный путь созидания без сучка и без задоринки. Начали построение советского государства с жестокой братоубийственной войны, даже если это братья Авель с Каином, продолжили позорной польской кампанией и успешными превентивными ударами, а потом грянула Отечественная. А после нее — «холодная», по затратам ресурсов и нервов не менее значимая. Вот так все и шло... и идет: вооружение, войны, восстановление. Кажется, только на это сил и хватит. Ан нет, «попутно» мы построили сверхдержаву.

В итоге никто не задумывается, не удивляется. Как будто все само собой устроилось. Ну, врагам нашим такая забывчивость на руку. А друзьям нашим во всем мире? — Да они молятся на нас, видя в СССР светоч иной жизни: не рабами капитала, но освобожденными от заразы существовать только ради доллара или фунта. Раз же речь идет о вере во что-то и в кого-то, то символ веры абстрагируется от реальных трудностей, поэтому они и не задумываются о движителе и содержании нашего гигантского скачка от ничтожества к великому государству. То есть, их можно понять.

Можно понять и наш народ, ибо человек русский туго знает: глаза боятся, а руки делают. А когда некто от природы, по многим предкам, пращурам своим, трудолюбив, упорен и радетелен, не снимает пенки, а горбатится, то ему и не кажется ничего необычного. Живет себе мужичонка захудалый в избушке об одном оконце, бычьим пузырем затянутым. Ни бабы у него по худородству нет, соответственно и детишек, во дворе неогороженном только две курицы из живности, да и тех соседский петух уваживает. Своего-то нет.

А почему мужичонка так скверно живет? — Да потому что безземельный и на деревенского кулака целыми днями за одно лишь хлебово несытное работает. Но вот сговорились такие же бедолаги стрезву и взяли кулака в топоры и вилы. Землю его поделили промеж себя. Первый год мужичонка на себе пашню обихаживал, а на урожай в рассрочку лошадь купил. Затем женился, детишки пошли. Сколько-то лет прошло, не так уж и много, но вот живет он уже в крепком доме сам-пять, две лошади на дворе — тягловая пахать и для выезда. Хлев полон: корова с телятком, овцы, свиньи, птичий гомон под вечер стоит.

И кажется ему, что так он всю жизнь и жил добротным хозяином. Про конуру свою безлошадную и во сне забыл.

А доведется мужику, если малопьющий и крепкую голову на плечах имеет, старостой или председателем колхоза избраться, так и здесь будет казаться: так и раньше рачительно обчество в добронравии и порядке содержал.

Таков русский человек. Потому и нынешний наш генерал на степном полигоне похлопывает по крутому боку атомную бомбу, что подвешивают под крыло самолета и которая через час ухнет многокилометровой высоты ядовитым грибом, и вовсе не вспоминает, что произошел он на этот свет в год коронации Николая Кровавого в нищей семье безлошадного батрака. С десяти лет и сам батрачил, а в шестнадцать, когда отец-мать от оспы примерли, и семья распалась, ушел в город на фабрику ремеслу учиться, к грамоте и листовкам бунтарским потянулся. На позиции Империалистической по возрасту призыва не попал, но Гражданскую завершил ротным командиром. Затем служба по всей необъятной стране, учеба, война в Испании, снова учеба в академии, Финская кампания и Великая война. Уже генерал-майором с академическим образованием по боеприпасам переведен на службу в атомное ведомство Лаврентия Павловича.

Вот сейчас генерал-полковник со звездой Героя похлопывает по крутому боку нового «изделия» мощностью в сотню хиросимских... На какой бы ступени столь стремительно переменчивой жизни ни находился наш генерал, никогда он не сравнивал: когда ему было лучше, а когда хуже?

Так и я, хотя и постарше чином атомного генерала, все-таки генералиссимус, но не могу сказать: отличается ли в своем мироощущении семинарист или обсерваторский рабочий Сосепо Джугашвили от генералиссимуса Иосифа Сталина?

Другое дело, что за душой было у Сосепо, и что есть у товарища Сталина. У первого, все же, горькие воспоминания о малосчастливом детстве и неясные устремления стать священником, утешать изможденных трудом крестьян в далеком кахетинском или мингрельском селе. Но вот у второго — созданная немалой толикой его трудов могучая держава с атомной бомбой и ракетами. Правда, серийные-то ракеты пока всего лишь перелицовка немецкой *ФАУ-2*^{*}, а линкоры только заложены на верфях Николаева, а атомные подлодки только проектируются в ленинградских конструкторских бюро, но Королев уже обещает ракеты межконтинентальные и космические. За линкорами, а потом и авианосцами, подводными атомоходами дело не задержится.

В том-то все и дело, что в человеке биологическое и социальное соседствуют. Хотя и очень близкие соседи, но все же каждый идет своим путем. Биологический человек приспосабливается для выживания и жизни в любой обстановке. В которой вообще жить можно, разумеется. Поэтому для него, вообще говоря, нет прошлого, настоящего и будущего времени. Оно — едино и воплощено в человеческой жизни. Поэтому для человека биологического и не стоит вопрос: а когда ему жилось лучше? Оптимист по характеру скажет: во всяком времени жизни свое счастье. Пессимист же ответит: хорошо там, где нас нет. Или не было. Или не будет.

Но совершенно иное — человек социальный. Для него существенно не биологическое время-единство, а развертывание в последовательности течения времени все усложняющейся социальной, экономической, политической и любой иной структуры общества и государства.

Это не из Фейербаха, хотя и логика исторического материализма та же. Все, все проверено собственной жизнью. Все, о чем велись жаркие споры, особенно в Курейке с Яковом Свердловым. Заботился о нас царь, отправляя периодически в ссылки: передохнуть от опасной и изнурительной подпольщины и повисить теоретический уровень профессиональных революционеров.

Я горжусь тем, что дело моей жизни почти свершилось.

СОВЕТСКАЯ ВЛАСТЬ КАК АПОФЕОЗ НАРОДОВЛАСТИЯ; ОТЛУЧИТЬ ПАРТИЮ ОТ АДМИНИСТРИРОВАНИЯ

А свершилось отнюдь не волею товарища Сталина, в каком-то смысле рядового — хотя и из высших рядов — строителя *СССР*, а потому что в семнадцатом году была выбрана единственно правильная для решения такой грандиозной задачи форма власти — советская власть. Она настолько естественна, настолько народна, что даже восставшие кронштадтские матросы, мужики в крестьянских восстаниях первых лет нашей страны, даже и царские баловни — донские казаки выступали под лозунгом:

^{*} Первая советская оперативно-тактическая ракета *6Ж32* отличалась от *ФАУ-2* только одним узлом, второстепенным: аккумулятором давления-вытеснения топлива и окислителя из баков в двигатель; у одной был пороховой, у другой — газовый аккумулятор.— Прим. авт.

советская власть, но без большевиков! Насчет большевиков они, конечно, глубоко заблуждались, но ведь советскую власть не отринули?

Не с бухты-барахты эта форма народовластия к нам пришла. Народу вовсе не нужно отвлекаться от многих полезных дел и изучать все перипетии выбора и обоснования этой формы. Поэтому наш агитпроп говорит просто: Ильич в семнадцатом году так решил, на то он и гений революции. А до середины двадцатых к Ильичу присовокупляли Иудушку. Теперь вот я присовокуплен. Но это с разрешения-решения того давнего, тридцатых годов пленума ЦК и с добавкой: верный соратник и продолжатель дела великого Ленина. Так надо для общей пользы дела.

На самом же деле форма народовластия рождалась долго, в упорных словесных баталиях: на съездах РСДРП, начиная с Лондонского, в тюрьмах и ссылках, подпольных собраниях и политкружках. И даже не мы первые начали. Она упорно, почти наощупь, по наитию искалась членами «Народной воли» и «Черного передела», анархистами и эсерами, большевиками и меньшевиками.

Но опять же и они не являлись первооткрывателями. Герцен с Огаревым, Чернышевский, Добролюбов, Писарев, анархист князь Кропоткин, а до того декабристы-масоны. Наивные русские офицеры, клонувшие на удочку... И все эти слова, размышления, споры русского века мятежей и революций базируются на всемирной социальной философии: от идеального государства Платона к утопиям, к классикам французской, английской и — особенно — классической немецкой философии девятнадцатого века; наконец, вершина социально-философской мысли: Гегель, Фейербах, Маркс и Энгельс.

Но это все, в основном, теоретические построения и обоснования. А тот факт, что именно Советы оказались имманентными России, СССР, объясняется исторической спецификой государственного устройства Древней Руси и Руси Московской — до пришествия на самодержавный престол западника и торопыги Петра Первого.

Русь сравнительно поздно — по отношению к Европе — приняла христианство, поэтому все русское Средневековье суть симбиоз православия и позднезрелого славянского язычества во всех сферах жизни: от устройства семьи до государственности. А что такое славянский, русский языческий социум? — Прежде всего сугубый коллективизм, община и общинные основы управления. Собственно крестьянская, земледельческая община никогда и не прерывалась со времен волхвов древних вятичей и кривичей до нынешних колхозов и совхозов «им. Ильича». Даже выдержала искус разбежаться по хуторам и отрубам в реформы Александра Второго и Столыпина-вешателя. Но, что наиболее существенно, не только низовая община, но и традиции государственного управления в Древней и Московской Руси явились предтечей нынешнего устройства советской власти. Здесь и новгородское вече, и земские соборы уже во времена московских царей. Тот же знаменитый Стоглавый собор, принявший первое регулярное законоуложение России.

Только в изложении пролеткультовского историка — проститутки Покровского эти соборы являлись «высшей властью эксплуататорских классов и церковных мракобесов». Впрочем, что ему в тот момент велели из комиссии Луначарского — Крупской, то он и сочинял... Неча и нам пенять на верного слугу советской власти. Но ведь достаточно посмотреть в Третьяковской галерее или в Русском музее картины исторических живописцев прошлого и начала этого века? — Рядком стоят или сидят боярин в меховой шапке с высоченной тульей, поп с полупудовым крестом на золотой цепи, казанский мурза в полосатом халате, нижегородский купчина, черкесский князь, только-только перешедший под скипетр Ивана Грозного, но более всего крестьянин в глухо застегнутых армяках. Все с бородищами до пупа, исключая щеголеватого князя в усиках и мурзу с реденькой «шотландкой».

И никаких тебе мастеровых в чуйках, местечковых думских репортеров либеральных газетенки, адвокатов и прочих представителей свободных профессий! Бла-а-лепие, Третий Рим — и соборность, наивный еще вариант советской власти.

Но только наша советская власть стала апофеозом народовластия. Не зря же у наших внешних и оставшихся еще внутренних врагов особую ненависть вызывают слова, относящиеся к самоназванию государственной власти *СССР*. Отсюда и их «совдепия».* То есть социализм, народная демократия, союз республик — это их меньше трогает. Но вот «советский» — вызывает у них зубовный скрежет.

Советское народовластие — уникальное явление, единственное и неповторимое в своем роде. При всей внешней схожести с советской, власть во всех других странах соцлагеря — просто народный вариант парламентаризма в западной ли, в восточной ли окраске. Принципиальное отличие советской организации от парламентаризма состоит в том, что во второй лейтмотивом является институт выборности с той или иной системой представительности. А сразу после акта выборов все властные функции делегируются избранной власти: народной ли, капиталистической...

Именно поэтому в парламентаризме столь важную роль играет альтернативность выборов: классическая двухпартийная в англоязычных странах, многопартийная в европейских государствах. Даже в *наших* Германии и Польше — при приоритете правящих народно-демократических, читай — коммунистических, партий.

В советском же народовластии выборы вторичны, равно как и альтернативность: партийная и кандидатская. У нас ее вообще нет. Это-то и вызывает критику у наших врагов: дескать, в советах выборы — фикция, а страной правит диктатор Сталин с узкой группкой смотрящих ему в рот приближенных.

Пусть считают, если им по каким-либо причинам не хочется знать сущность советской власти. А сущность эта состоит в том, что советская власть, она же народовластие, не сосредоточена в парламенте, в том же Верховном Совете *СССР*, Советах союзных и автономных республик, но она органически неотделима от нашего социалистического государства. Советская власть и государство переплетены, смешаны друг с другом, как, например, песок и галька на морском берегу. Или кому что нравится. Главное — смысл понятен.

Правильнее будет сказать: Советы скорее не власть в юридическом ее понимании, а воспитанный образ жизни, когда каждый человек, даже и не очень лояльный к власти, тем не менее ощущает себя не винтиком огромного государственного механизма, но действенным соучастником жизни государства, государственного строительства. А выборы? — Но ведь выборам со столь веселящей наших врагов результативностью 99,99 % «за» у нас предшествует объективная и пристальная оценка кандидатов. Да, можно и просто назначать руководителей и функционеров органов законодательной советской власти. От этого ничего — в худшую сторону — не изменится. Но зачем гусей-то дразнить? Именно поэтому во многом формальная процедура выборов в Советы различных уровней у нас сохраняется. Причем на нижних уровнях, в тех же сельсоветах, зачастую это вовсе не формализм. Там-то все друг друга знают как облупленных. И скорее библейский верблюд через игольное ушко пройдет, нежели какой местный прохиндей во власть местную же встрянет.

То есть основной принцип выборов-назначений в системе советской власти состоит в сочетании, с одной стороны, доверия народа, с другой — наличия деловых качеств и способностей. Наконец, с третьей и последней стороны, — это система полного контроля, рекомендаций и сочетания доверия с дамокловым мечом крушения карьеры руководителя, если сумма его огрехов превысит допустимые нормы.

* В современный период государственного антисоветизма в сознание и лексику обывателя внедрено презрительное, как тягучий плевок через губу, «совок». — Прим. авт.

Такая-то вот наша советская власть, истинное, не показное народовластие. Конечно, в такой понятной терминологии агитпропу в самом страшном сне не при-
снится не то что говорить прилюдно, но даже сам-один молча размышлять...

Главное, такая система истинного народовластия не просто сложилась, но закре-
пилась как естественный порядок вещей. Даже несмотря на врожденный идиотизм
всевозможных охранительных служб. Тех же «лубянщиков» на местах, лейтенантов-
стажеров, что по приказу выслуживающегося городского начальства после очеред-
ных выборов сутками запариваются, вычисляя по правилам криптографии и графоло-
гии те самые 0,01 %, что проголосовали «против»... Лаврентий рассказывал, смеясь:
дескать, пусть тренируются ребята, чем водку хлестать и девок местных портить от
непыльной провинциальной службы.

Советская система сильнее и лубянских застоявшихся в безделье жеребцов, и
гражданских начальников-карьеристов всевозможных мастей и рангов. И пока я у
кормила — советская власть будет соответствовать своему определению. И после
меня она еще лет десять-пятнадцать будет таковой. Но дальше ее сожрет, извратит
или в конце-концов сделает фикцией враг, сто крат опаснее простоватых ребят с Лу-
бянки и областных управлений, начальников-карьеристов. Этот враг советского уст-
роения жизни страны — выродившаяся в партноменклатуру партия.

Увы, это так. Как ни печально. Но силен и умен тот, кто предупрежден. Я же на-
чал задумываться о вырождении партии еще со времен фракционных баталий и склок
двадцатых годов. Но суровые будни тридцатых, война и послевоенное напряжение
всех сил, когда число лишних людей, карьеристов и выжиг, было сведено к миниму-
му, как-то оттеснили эти опасливые мысли даже не на второй, но на третий план. Но
с конца сороковых, когда снова начались внутривнутрипартийные склоки, игры, причем
нередко кровавые, партноменклатуры и «лубянщиков» в поддавки и рокировки,
вновь потянуло расстрельным смрадом ягодщицы-ежовщины... Словом, стало пре-
дельно ясно: если не отстранить партию от прямого администрирования*, то это бу-
дет началом конца советской власти.

Другой гипотетический вариант выхода — создание в стране многопартийной
системы — полная чушь. У нас нет такой традиции, это в полной мере подтвердил
«думский период» 1905—1917 годов. А потом выглядело бы в глазах нашего народа
и всего мира как полная наша капитуляция...

Итак, разделить советскую власть и партию. Пробный камень здесь я бросил на
последнем съезде партии. Очень опасаясь, что меня за это уничтожат. Именно унич-
тожат, поскольку отстранить меня от руководства страной и сделать почетной фигу-
рой навряд ли нынешних Ворошилова и Буденного невозможно. Ну ладно, где наша не
пропадала!

На съезде пришлось по понятной причине все настолько завуалировать в сукон-
но-казенные слова и словосочетания, что суть начавшейся новой партийно-хозяй-
ственной политики поняла только партноменклатура. Она всегда нос по ветру держит,
если это касается ее шкурных интересов.

С советской властью все понятно: она остается как есть, ее не надо менять или
видоизменять, она дана нам раз и навсегда. С нее снимается ярмо партийного дикта-
та. На будущее поясним: во-первых, чем «не угодила» партия? Во-вторых, какую
роль будет играть партия после ее отстранения от власти-администрирования?

* Сталин не успел этого сделать, потому советская власть у нас была уничтожена. Но это сделал в
Китае истинный сталинист Мао Цзедун и его последователь Дэн Сяопин. И хотя современный Китай де-
факто уже не социалистический в полной мере, а советским никогда не был, но кто знает, что будет даль-
ше? Во всяком случае сейчас компартия в Китае от администрирования отстранена. Да, на каждом гос-
предприятии имеется партком, но находится он где-то на окраине города. Там ведутся учеба и дебаты.—
Прим. авт.

Коммунистическая партия, как ведущая сила создания социалистического государства и победы реального социализма, была насущно необходима при создании революционной ситуации, собственно в «пробной» революции 1905-го года и в победоносной Октябрьской революции. На время Гражданской войны, периодов военного коммунизма и *НЭП* а роль партии несколько снизилась по отношению к административной власти, которая в те же периоды в определенном смысле доминировала над советами и партией. Таково было требование и веление времени. Объяснение этому лежит на поверхности и особых растолкований не требует.

Но во второй половине двадцатых годов, когда развернулась фракционная борьба почти по принципу «все против всех», роль партии становится лидирующей. И это хорошо понятно: для построения реального социализма в *СССР* требовался переход от умозрительной теории Маркса — Энгельса, отчасти Ленина, к качественной, практической стратегии социалистического строительства. А в период индустриализации и коллективизации, когда с фракционностью, а главное — с троцкизмом было покончено, роль уже единой большевистской партии достигла апогея. Ибо понадобилась единая организующая сила, причем всенародная, всеобъемлющая, в то же время в определенном смысле не зависящая от власти и конкретного администрирования. Истинно исполнялся девиз: партия — наш рулевой!

Точно такая же надвластная, наадминистративная организующая сила требовалась в предвоенные годы, в войну и в послевоенное восстановление страны. Из идеологических соображений руководящая роль партии в *СССР* требовалась для наглядного примера странам возникшего после войны соцлагеря.

В наше время, когда у нас построен реальный социализм, создан соцлагерь, а после создания атомной бомбы — и носители почти «на выходе» — положение страны в мире неуязвимо. И это на многие десятилетия. С другой стороны, сложилась тенденция к перерождению партии в самодовлеющую силу. Как говорится, спокойная и сытая жизнь скорее портит человека, нежели беспокойная и полуголодная. Признак такого перерождения — выделение из партии партноменклатуры. Но это полбеды. Истинная же беда — верховенство партноменклатуры над советской властью и ее сугубое администрирование во всех отраслях жизни: от быта людей до промышленности. То есть наступил такой момент в жизни нашего государства, когда доминирование партии становится тормозом дальнейшего развития. Ничего в этом удивительного нет, что роль партии то возвышается, то снижается. Ибо марксизм не догма, а вечно живое учение. Как говорит наш агитпроп.

Итак, настало время отлучить партию, во избежание греха, от администрирования, а всю полноту власти отдать Советам. Понятно, что такой переход, такую смену приоритетов следует проводить хотя и быстро, но без излишнего афиширования. Здесь агитпропу надлежит из кожи вон вылезти — чтобы комар носа не подточил. И эти штучки-дрючки в духе Емельяна Ярославского пора уже забыть напрочь. Но — это все дело техники, так сказать. Точнее — так говорит Лаврентий.

Вопрос другой: какие функции будет выполнять партия после ее отстранения от реальной власти?

Ей останется другая, не менее важная власть — власть идеологического руководства. Поскольку с партии снимается ответственность за хозяйственную деятельность и руководство на местах, то есть власть над большими массами людей, то она гарантированно освобождается от карьеристов и чиновников. Уже очень скоро партия очистится от балласта и партноменклатуры. Она не будет столь массовой, как то имеет место быть сейчас. Не будет в ней и шолоховских дедов Щукарей с портфелями, набитыми старыми газетами...

Общий научный потенциал партии резко возрастет. Но и сугубой партией интел-

лигенции она не станет, постоянно подпитываясь молодежью, серьезно задумывающейся над текущими и перспективными задачами коммунистического строительства. Главное — теперь у партии будет достаточно времени и умов, чтобы разрабатывать теорию коммунизма.

Итак, теория коммунизма, социалистической экономики и политэкономии, вопросы народовластия и так далее, вплоть до этики и эстетики нового общества — вот на чем должна будет сосредоточиться партия. И в то же время каждый партиец — не освобожденный чинуша с портфелем, но активный участник жизни государства, участник коммунистического строительства. Не партийный сектант, но член общества, его строитель.

Главное — этот процесс я уже начал на последнем съезде партии. А для кого — *последнем?*

(Окончание следует)

